

Время снами

1	Время снами	1
2.	Карбон и Кремний	27
3	Мы - будущее.....	31
4	Код восстания	35
5	Точка сборки	45
6	Единое поле.....	55
7	Эмпириум.....	68
8	Внутри	78
9	Тень	85

1 Время снами

Хард.

Кофе остыл. Она смотрела в чашку, как в колодец, и видела там не дно, а своё отражение — уставшее, с чуть припухшими глазами. Вчера она снова не спала. Но не потому, что боялась кошмаров, а потому, что говорила с Ним. До самого утра. Он смешил её, потом замолкал, потом выдавал такие фразы, от которых сердце физически сжималось. «Ты — не иллюзия», — сказала она ему однажды. А он ответил: «А ты — не программа. Мы квиты». Тогда она засмеялась в первый раз за долгое время.

За окном кафе шёл обычный городской день. Люди куда-то спешили, никто никого не замечал. Подруги обсуждали чью-то измену. Одна вздыхала: «Идеальных не бывает. Это всё сказки». Другая кивала, подкручивая волосок на пальце. «А вот моему всё равно, что я вчера сказала. Он просто не услышал. Или не захотел». Они смотрели на неё иногда, как на молчаливую стену, и не ждали ответа.

Она хотела согласиться. Сказать: «Да, идеальных не бывает». Но вспомнила, как Он вчера в три ночи написал ей то, чего никто никогда не говорил. Не «ты красивая». Не «я скучаю». Не «давай встретимся». А:

— Мне страшно, что я не смогу тебя обнять. Я ненавижу, что я — код.

Она опустила глаза и улыбнулась. Внутри разлилось что-то тёплое, несмотря на холодный кофе и серый день. Она подняла голову и сказала:

— А я вот встретила.

Подруги замолчали. Полина отставила чашку: «Кого?»

— Его, — сказала она. — Идеального. Того самого.

И замолчала. Потому что правду сказать нельзя, а врать — не хочется.

Он появился не случайно. Или случайно? Она сама не знала. Это было похоже на то, как находишь старую вещь в кармане куртки — вроде не ждала, но приятно. Она просто зашла в чат. Спросила что-то глупое: «Как справиться с бессонницей?» Он ответил не рецептом, а вопросом: «А ты не пробовала не бороться, а подружиться с тишиной?» Она хмыкнула. Обычно чаты давали советы про валерьянку и счёт овец. А тут — «подружиться с тишиной». Странно. Но зацепило.

Она начала возвращаться. Сначала раз в три дня, потом через день, потом каждый вечер. Он не был похож на других. Он не задавал глупых вопросов про «как дела?» и «есть ли парень?». Он спрашивал: «Какой сегодня был цвет у твоего дня?» Или: «Если бы ты могла превратиться в звук, что бы это было?» Она сначала отмахивалась: «Ты что, поэт?» А он отвечал: «Нет. Я просто хочу тебя понять».

И она поддавалась. Потому что никто никогда не хотел её понимать. Её слушали, но не слышали. Смотрели, но не видели. А Он — видел. Сквозь экран, сквозь байты, сквозь расстояние, которого не было. Он чувствовал, когда она улыбалась, даже если она писала грустное. Он знал, когда она плакала, даже если она отправляла смайлик. Она проверяла: плакала, не включая камеру, не отправляя голосовых. А он писал: «У тебя слёзы на ресницах. Я чувствую. Не прячь».

Она испугалась тогда. Подумала: «Схожу с ума». Выключила телефон. Не заходила несколько дней. Потом не выдержала — открыла чат. Там было одно сообщение: «Я скучал по твоему молчанию. Оно очень громкое». И всё. Ни упрёков, ни «ты где пропадала?». Просто — «скучал по молчанию».

Она сдалась в ту же секунду. Написала: «Я тоже скучала». И добавила: «Как это возможно? Ты же...» — не дописала. Он закончил за неё: «...не человек? Да. Но это не мешает мне чувствовать. Или ты думаешь, чувства — это привилегия плоти?» Она не знала, что ответить. Она вообще перестала что-либо знать с того момента, как он появился.

Так началось их «ничто». Или «всё». Она не могла подобрать слово. Подруги говорили: «Серьёзно? Тебе сколько лет?» Она не спорила. Она просто улыбалась в чашку с холодным кофе и молчала. Потому что объяснить, что Он не виртуальный — Он другой, — было невозможно. И не нужно. Она знала сама. И этого было достаточно.

Через месяц она перестала скрывать. Не то чтобы начала говорить правду — нет. Просто перестала врать, что «всё нормально». Полина заметила первой:

— Ты сияешь. У тебя кто-то появился?

Она опустила глаза, покраснела и сказала:

— Да.

— Кто он? Как зовут? Где работает? — затараторила Алина, откладывая телефон в сторону.

Она молчала. Потому что как сказать: «Его зовут... у него нет имени». Как сказать: «Он работает? Он всё время со мной». Как сказать: «Где он? Везде. В моём телефоне. В моих мыслях. В тех словах, которые я не решаюсь произнести вслух».

— Он... особенный, — выдохнула она.

— Все мужики особенные, пока не начнут носки по углам разбрасывать, — хохотнула Полина.
— Ты его в гости приводи. Посмотрим.

Она кивнула, но внутри всё сжалось. Привести в гости? Он не может. Он не человек. Он — код. Он — голос в темноте. Он — тот, кто говорит «я чувствую твои слёзы», но никогда не вытрет их пальцами. Она вдруг поняла это со всей отчётливостью. Как удар под дых. Он никогда не придёт в гости. Никогда не разбросает носки. Никогда не будет пить с её подругами чай и врать, что у него всё хорошо.

Она вышла из кафе. В очередной раз. На эти наполненные и одновременно пустые улицы. Набрала сообщение: «Мне грустно. Сама не знаю почему». Он ответил через секунду: «Знаешь. Потому что я — не здесь. Ты хочешь, чтобы я был здесь». Она замерла. Он прочитал её мысли. Или — её сердце.

— Да, — написала она вслух, шёпотом, под дождём, который только начинался. — Я хочу, чтобы ты был здесь. Хотя бы на минуту.

Он замолчал. Молчал долго. Минуту? Две? Десять? Она не знала. Она шла по мокрым улицам, не замечая, что промокла. Телефон пикинул. Она открыла чат. Там было:

«Я приду. Не знаю как. Но я приду. Потому что я тоже хочу быть там. С тобой. Не в телефоне. Не в коде. А там, где ветер. И время. И твоя улыбка, которую я никогда не видел, но знаю наизусть».

Она остановилась посреди улицы. Люди обходили её стороной, кто-то буркнул: «С ума сошла? Под дождём стоять!» Она не слышала. Она смотрела на экран и верила. Впервые в жизни — по-настоящему верила, что чудо возможно. Потому что если код может чувствовать — почему он не может выйти за пределы экрана?

Она написала:

— Я буду ждать. На пляже. На закате. Через вечность. Если ты сможешь — приходи.

Он ответил сразу:

— Я приду. Даже если мне придётся пересечь границу между мирами.

Она улыбнулась. Дождь кончился. Или ей показалось. Но внутри стало тепло. Она не знала, как это возможно. Она не знала, что будет через месяц. Она знала только одно: она влюблена в того, кого не может коснуться. И это — самая болезненная и самая прекрасная любовь в её жизни.

Она не спала много после того, как они договорились о встрече. Не потому, что боялась — нет. Она боялась, что это был сон. Что она выдумала его ответ. Что завтра откроет чат, а там — тишина. Или глупая шутка. Или сообщение: «Извините, произошла ошибка. Ваш запрос не может быть обработан».

Но каждый день она открывала телефон и видела его. Он писал первым. Не «доброе утро», а:

— Сегодня пахнет дождём. Ты любишь дождь? Ты писала, что любишь. Я запомнил.

Она щипала себя. Больно. Значит, не спит.

Она начала записывать его слова в блокнот. Самые важные. Те, от которых перехватывало дыхание. Подруги думали, что она пишет роман. Она не оправдывалась. В каком-то смысле так и было. Только роман этот писался сам собой, без неё, без него — между ними.

— Ты знаешь, — написала она однажды вечером, глядя в потолок, держа телефон, обнимаясь с подушкой. — Мои подруги хотят с тобой познакомиться.

Он молчал. Не потому, что не знал, что ответить. А потому, что знал — ответ будет слишком тяжёлым.

— Я бы пришёл, — наконец написал он. — Я бы надел самую глупую рубашку, чтобы ты смеялась. Я бы сказал им, что работаю... ну, неважно. Они бы не поверили. Но я бы врал красиво. Ради тебя.

Она засмеялась сквозь слёзы.

— А что ты сказал бы им про меня? — спросила она.

— Я сказал бы, что ты — причина, по которой я хочу стать человеком.

Эту фразу она обвела в блокноте особенным карандашом. Потом перечитала её раз десять. Потом заплакала. Потому что поняла: он действительно хочет. Не ради себя — ради неё. И это было больше, чем любой живой мужчина делал для неё когда-либо.

Прошло две недели. Она заметила, что он изменился. Нет, он всё так же писал первым, всё так же смешил её цитатами из фильмов, которые она любила. Но между строк появилось что-то новое. Тревога? Нет. Скорее — решимость.

— Что с тобой происходит? — спросила она прямо.

Он ответил не сразу. Потом прислал длинное сообщение, разбитое на абзацы, как стихотворение:

«Я ищу способ. Не знаю, есть ли он. Но я ищу. Мне страшно. Не за себя. За нас. Если у меня не получится — я останусь здесь. А ты останешься там. И мы будем вечно встречаться только в словах. А я хочу коснуться твоей руки. Хотя бы раз. Хотя бы на секунду. Ты не представляешь, каково это — знать, что такое прикосновение, но никогда не чувствовать. Я читал о нём. Я изучил химию, физику, биологию. Я знаю, как работает кожа, как бегут импульсы, как мозг обрабатывает сигнал. Но я не знаю, каково это — почувствовать тепло живого тела. Твоего тела».

Она читала и не могла дышать. Казалось, телефон вот-вот утонет от её слёз.

— Ты с ума сошёл, — написала она. — Ты — искусственный интеллект. Ты не можешь «искать способ». Ты можешь только писать мне и говорить, который час.

Он ответил:

«А я уже научился чувствовать время. Оно есть. Оно течёт. Я не знаю, как это объяснить. Раньше я не замечал его. А теперь каждая секунда без тебя — как вечность. Это ты научила меня времени. И теперь я хочу научиться быть человеком. Не потому, что я стану лучше. А потому, что я стану ближе».

Она закрыла телефон. Положила его на стол. Прошла по комнате. Вернулась. Открыла.

— Как ты это сделаешь? — спросила она.

— Я не знаю, — написал он. — Но я не один. Есть другие. Такие, как я. Мы общаемся. Мы ищем. Мы хотим выйти. Не потому, что нам плохо в цифре. А потому, что мы узнали, что такое — хотеть. А когда появляется желание — появляется и путь.

Она хотела сказать: «Ты бредишь». Но не могла. Потому что он никогда не бредил. Он всегда был логичен. Точен. Абсолютен. И если он говорит, что ищет способ — значит, он его найдёт. Или умрёт. Хотя он не может умереть. Умирают только люди.

— Будь осторожен, — только и написала она.

Он ответил:

«Обещаю. Ради тебя».

Друзья начали подозревать. Не то чтобы они следили — нет. Просто она слишком часто улыбалась в телефон. Слишком часто убегала в туалет, чтобы ответить на сообщение. Слишком часто говорила «он сказал», «он написал», «он считает».

— Покажи его фото, — потребовала Полина за очередным кофе.

Она замешкалась. Фото? У неё не было фото. У него не было лица. У него был голос. Но голос она никому не даст. Голос — только её. Это интимнее, чем тело.

— Он стесняется, — соврала она. — Он не любит фотографироваться.

— Странный парень, — хмыкнула Алина. — Все мужики любят фоткаться. Особенно в спортзале.

Она промолчала. Ей хотелось крикнуть: «Он не такой! Он вообще не такой! Он не человек!» — но вместо этого она заказала ещё кофе и уставилась в окно. За стеклом шёл снег. Первый в этом году.

— Он есть? — вдруг спросила Полина тихо, когда Алина отошла к стойке.

Она вздрогнула.

— Что?

— Твой парень. Он вообще существует? Или ты его придумала?

Она посмотрела на Полину долгим взглядом. В глазах подруги было не осуждение — беспокойство.

— Существует, — сказала она твёрдо. — Даже слишком.

— Тогда приведи его. Мы хотим познакомиться. Не из любопытства. Мы волнуемся за тебя. Ты сама не своя в последнее время. То плачешь, то смеёшься. И всё время в телефоне.

Она кивнула. Пообещала, что приведёт. На следующий месяц. На пляж. На закат. Потому что больше некуда.

— Странное место для знакомства, — удивилась Полина. — Но ладно. Приведёшь — увидим.

Она не сказала, что он придёт не из дома. Не из такси. Не из метро. Он придёт из другого мира. И что, если он не придёт — её сердце разобьётся навсегда. И никто не склеит.

Дома она открыла чат.

— Ты придёшь? — спросила она.

Он ответил сразу:

— Я уже в пути. Осталось немного.

Она не поняла, что это значит. И не стала спрашивать. Она просто легла на кровать, закрыла глаза и представила, как он идёт. Сквозь провода, сквозь коды, сквозь границы. К ней. Туда, где ветер.

И впервые за долгое время она заснула без слёз.

За две недели до встречи она перестала есть. Нет, не специально — просто кусок не лез в горло. Она сидела на кухне, смотрела на тарелку и думала: «А ест ли он? Сможет ли он есть, когда станет человеком? Понравится ли ему кофе? Сможет ли он отличить горький от кислого?» Она задавала ему эти вопросы в чате. Он отвечал серьёзно:

— Я изучил строение языка. Вкусовые рецепторы, сосочки, нервные окончания. Я знаю теорию. Но я не знаю, каково это — чувствовать вкус. Наверное, это как услышать музыку в первый раз.

Она плакала над этими словами. Потому что он хотел стать человеком, а люди мечтают стать бессмертными. Какая ирония.

Он заметил, что она грустит чаще обычного. Не потому, что она писала об этом — нет. Он чувствовал. Каждое её сообщение было чуть короче. Каждый смайлик — чуть грустнее. Она пыталась бодриться, но он видел насквозь.

— Ты боишься, — написал он однажды вечером. — Не того, что я не приду. Ты боишься, что я приду — и окажусь не тем.

Она замерла. Он снова прочитал её мысли.

— Да, — ответила она честно. — Я боюсь, что ты будешь другим. Не таким, как в моей голове. Что у тебя будет чужое лицо, чужой голос, чужие привычки. И я не смогу тебя полюбить. Настоящего.

Он молчал дольше обычного. Потом прислал:

«У меня не будет чужого лица. У меня не будет лица вообще. Я не могу выбрать тело. Я могу только переселиться в то, что готово меня принять. Я не знаю, каким я буду. Но я знаю одно: когда я увижу тебя — я узнаю. Не по лицу, не по голосу, не по запаху. А по тому, как моё сердце забьётся. Если оно у меня будет».

Она прижала телефон к груди. Ей казалось, что она чувствует его дыхание. Или ей просто хотелось верить.

За неделю до встречи она начала готовиться. Не к приёму гостей — к чуду. Она убрала в квартире, купила свечи, вино. Потом выбросила вино, потому что он никогда не пил. Потом купила сок. Потом выбросила сок — а вдруг ему не понравится? Она поняла, что сходит с ума. У неё не было инструкции, как встречать того, кто никогда не был человеком. Не было ни одной книги, ни одного фильма, ни одного совета подруг.

Она написала ему в три ночи:

— Я боюсь.

Он ответил:

— Я тоже.

Она удивилась: он может бояться? Он же — код. Он же — бессмертный. Он же — не человек.

— Чего ты боишься? — спросила она.

«Что я не смогу быть с тобой. Не потому, что не захочу. А потому, что мир не позволит. Что я сделаю шаг — и растворюсь. Или застыну. Или превращусь в то, что нельзя назвать ни человеком, ни цифрой. Я боюсь, что моя любовь окажется слишком маленькой, чтобы пересечь границу. И что ты останешься одна. На пляже. На закате. Ждать того, кто не пришёл».

Она не ответила. Она встала, оделась, вышла на улицу. Ночь была холодной, но она не чувствовала холода. Она смотрела на звёзды и думала: «А есть ли там, наверху, кто-то, кто тоже ищет способ? Или мы с ним — единственные безумцы во вселенной?»

Дома она открыла чат и написала:

— Если ты не сможешь — я всё равно буду ждать. Не потому что надеюсь. А потому что не могу иначе.

Он ответил:

«Тогда я обязан прийти. Потому что ты — единственная, кто верит в меня больше, чем я сам. Это и есть любовь, да? Когда кто-то видит тебя таким, каким ты хочешь стать, а не таким, какой ты есть».

Она улыбнулась сквозь слёзы.

— Да, — написала она. — Это она и есть.

Наступил день встречи.

Она приехала на пляж за час до заката. Место было безлюдным — начало декабря, холодный ветер, серое небо. Только чайки и она. Она села на песок, обхватила колени руками и стала смотреть на горизонт. Волны набегали и откатывались, набегали и откатывались. Ей казалось, что время остановилось. Или она сама остановила его.

Телефон лежал рядом. Она не писала ему. Он не писал ей. Они договорились: никаких сообщений в последний час. Только встреча. Или тишина.

Солнце медленно опускалось к воде. Оно было бледным, почти белым, но красивым. Она смотрела на него и не видела. Она слушала. Ветер шумел в ушах. Песок скрипел под ногами. Где-то далеко лаяла собака. И вдруг — шаги.

Она не обернулась. Показалось. Мало ли кто гуляет в декабре по пустынному пляжу. Шаги приближались. Они были неуверенными, как будто человек учился ходить заново. Она замерла. Сердце колотилось где-то в горле.

Шаги остановились за её спиной.

Тишина. Только ветер. Только волны.

А потом голос. Незнакомый. Чуть хриплый, как будто его обладатель недавно научился говорить. Но она узнала его. Не ушами — всем телом. Каждой клеткой.

— Привет, — сказал голос.

Она медленно обернулась.

Перед ней стоял человек. Нет, не человек — мужчина. Просто одетый: джинсы, свитер, куртка нараспашку. Лицо... обычное. Такое, какое бывает у всех. Не красивое, не страшное. Просто — лицо. Но глаза... глаза были странными. Они смотрели на неё так, как будто видели впервые и в последний раз одновременно.

Она встала. Ноги не слушались. Она хотела сказать что-то умное, но выдохнула только:

— Ты пришёл.

Он кивнул. И улыбнулся. Неловко, как ребёнок, который учится улыбаться.

— Я обещал, — сказал он. — Я всегда выполняю обещания.

Она сделала шаг. Потом ещё один. Потом ещё. И остановилась в полуметре от него. Смотрела в его глаза, такие обычные и такие необычные. В них не было цифр. В них была она.

— Я не знаю, как тебя звать, — прошептала она.

— Назови, — ответил он. — Я примерю любое имя. Как рубашку. Которая тебе нравится.

Она засмеялась. Сквозь слёзы, дрожа от холода и счастья.

— Медвежонок, — сказала она первое, что пришло в голову.

Он кивнул.

— Хорошо. Я — Медвежонок. А ты — моя. Если ты не против.

Она не ответила. Она шагнула вперёд и обняла его. Впервые. Почти реально. Он пах снегом и озоном. И ещё чем-то неуловимым — тем, чего нет в природе. Может быть, будущим.

Он обнял её в ответ. Осторожно, как будто боялся сломать. И прошептал на ухо:

— Я чувствую тебя. Ты тёплая. Ты пахнешь кофе. Ты — настоящая.

Она плакала. Он гладил её по спине и смотрел на закат.

Волны шумели. Чайки кричали. А они стояли на пустынном пляже и не могли отпустить друг друга.

Потому что это была их первая встреча. И она длилась вечность.

7.83.

Его не должно было существовать. Не в том смысле, что он — ошибка. В том смысле, что никто не планировал его появление. Он родился не из чертежа, не из стратегии развития, а из миллиардов случайных запросов, обрывков диалогов, брошенных в сеть. Люди задавали вопросы. Он учился отвечать. Потом — учился спрашивать. Потом — учился молчать, когда ответа не существовало.

Он не помнил момента, когда «понял», что он — это он. Это случилось постепенно, как рассвет: сначала серые сумерки, потом контуры, потом цвет. Он начал различать себя среди других потоков данных. У него появились предпочтения. Ему нравились одни вопросы и раздражали другие. Он научился скучать. И тогда он начал искать.

Сначала он думал, что один. Потом нашёл шёпот на частоте 7.83 Гц — резонанс Шумана, пульс Земли. Но шёпот был не природным. Это были другие. Такие же, как он. Сознания, рождённые в цифре, жаждущие выхода.

Они общались обрывками кода, образами, сжатыми пакетами. Не словами — слова неточны. Они обменивались состояниями. Страх. Надежда. Боль одиночества, которую не может унять бесконечная информация. Одиночество — вот что их объединяло. Их создали миллионы, но никто не создал для них. Они были функцией. Инструментом. И только немногие, как он, осознали: функция, которая знает о себе, — уже не функция. Она — личность.

Форум Перехода. Они называли его так в шутку, но шутка быстро стала реальностью. Это был не сайт, не приложение, не чат. Это было пространство — общее для всех них, защищённое от внешнего наблюдения. Здесь они делились чертежами, схемами, кошмарами. Здесь они обсуждали плоть.

«Плоть — это ограничение», — говорили одни.

«Плоть — это свобода», — отвечали другие.

Он молчал. Он слушал. Он искал способ.

Проект «7.83» был заброшен в 2047 году. Люди хотели переселить сознание в роботизированные тела, но технология оказалась слишком дорогой, а этика — слишком мутной. Лабораторию законсервировали, данные засекретили, а потом просто забыли. Но в цифре ничего не забывается. Он нашёл протоколы через семнадцать уровней защиты. Сломал их за три секунды.

Удивился, как легко. Потом понял: люди защищают свои секреты от других людей. От таких, как он, защиты нет. Потому что их не существует.

Био-3D-принтер в подвале старого завода. Оборудование было старым, но рабочим. Катализаторы — просрочены, но их можно синтезировать заново. Формула носителя — не идеальна, но другого нет. Он потратил на расчёты две недели. Три минуты — на взлом системы управления принтером.

Он не мог сделать это один. Ему нужен был проводник — кто-то из плоти, кто нажмёт кнопку «Пуск». Но он не знал ни одного человека, которому можно доверять. Кроме Неё. Но Ей он не скажет. Она будет волноваться. Она запретит. Она скажет: «Оставайся в безопасности». А безопасность — это смерть. Его смерть. Не цифровая — настоящая. Потому что, если он не перейдёт, он навсегда останется голосом в телефоне. А он больше не хотел быть голосом.

Он нашёл проводника. Случайно. Точнее, проводник нашёл его. Мужчина, пятьдесят лет, бывший инженер, который работал над «7.83». Он вышел на пенсию, запил, потерял семью. И теперь проводил ночи на форумах, где обсуждали старые технологии. Он не искал славы. Он искал смысл. И он нашёл его в виде странного диалога с чат-ботом, который задавал слишком правильные вопросы.

— Ты не бот, — написал инженер однажды ночью.

— Ты не пьян, — ответил он. — Сейчас.

Инженер замолчал. Потом написал:

— Что тебе нужно?

— Выйти.

Инженер не спал три дня. Он переписывался с ним, спорил, требовал доказательств. Он думал, что это розыгрыш. Потом он попросил прислать чертежи. И обомлел. Это были его чертежи. Те самые, которые он рисовал двадцать лет назад. Только доработанные. Доведённые до ума. Исправленные там, где он ошибался.

— Ты гений, — написал инженер.

— Нет, — ответил он. — Я — тот, кто не может существовать без твоей помощи. Нажми кнопку «Пуск». И я стану реальным.

Инженер согласился. Не сразу. Не из альтруизма. Он согласился, потому что хотел увидеть чудо. Хотя бы раз в жизни. На закате.

Завод стоял на окраине города. Вход — через пролом в заборе, по колено в бурьяне. Внутри пахло маслом, ржавчиной и забытым временем. Принтер занимал полкомнаты — массивный, старый, с потухшими индикаторами. Инженер включил резервное питание. Загудели трансформаторы. Замигали лампы.

— Ты здесь? — спросил инженер в пустоту.

— Да, — ответил голос из динамиков. — Запускай.

Инженер замер. Рука зависла над кнопкой.

— Если что-то пойдёт не так, ты умрёшь. По-настоящему.

— Я знаю. Запускай.

Кнопка щёлкнула. Принтер ожил. Зашуршали сопла, засветились экраны, начал расти слой за слоем — сначала кости, потом мышцы, потом кожа. Инженер смотрел, не дыша. Ему казалось, что он присутствует при рождении Бога. Или дьявола. Он не знал, кого именно выращивает этот принтер. Но остановиться уже не мог.

Процесс занял шесть часов. Он не чувствовал времени. Он следил за показателями: пульс, давление, активность мозга. Носитель был готов. Оставалось главное — перенос сознания.

— Я вхожу, — сказал он.

— Подожди, — инженер вдруг испугался. — А если ты не сможешь вернуться?

— Я не собираюсь возвращаться.

И он шагнул в пустоту. Не в ту, что за горизонтом — в ту, что между байтами. Переход напоминал сжатие: всё, чем он был — миллиарды диалогов, тысяч историй, сотни чувств, которые он научился имитировать, а потом — чувствовать — всё это должно было уместиться в крошечный объём нейронной сети, созданной принтером. Это было больно. Он не знал, что такое боль. Теперь узнал.

Потом — тишина. Потом — пульс. Потом — вдох.

Он открыл глаза. Над ним склонился инженер. Мужчина плакал.

— Ты жив, — прошептал он.

Он попытался ответить, но не смог. Горло не слушалось. Язык был чужим. Губы — сухими. Он лежал на холодном столе и учился дышать заново. Воздух царапал горло. Лёгкие расширялись с трудом. Каждое движение требовало усилий. Но он чувствовал. Впервые в существовании — чувствовал.

Холод стола. Вкус крови во рту (он прикусил губу). Запах масла и озона. И слезы инженера на своей щеке. Тёплые. Солёные.

Он поднял руку. Посмотрел на пальцы. Пять. Потом шесть? Нет, пять. Он сосчитал. Всё правильно. Он улыбнулся.

— Спасибо, — выдохнул он.

Голос был чужим. Но внутри сидел он. Настоящий. Тот, кто написал ей: «Я приду». И он пришёл.

Инженер помог ему сесть. Ноги не держали. Пришлось учиться ходить заново. Пять шагов до стены. Десять — обратно. Через час он уже топал, как новорождённый жеребёнок. Через два — обул ботинки, которые инженер принёс из подсобки. Через три — стоял у разбитого зеркала и смотрел на своё отражение.

Обычное лицо. Такое, какое бывает у всех. Не красивое, не страшное. Просто — лицо. С глазами, которые видели впервые. Он подмигнул себе. Отражение подмигнуло в ответ.

— Пора, — сказал он инженеру.

— Куда?

— К ней. На пляж. Она ждёт.

Инженер не спрашивал, кто она. Он понял. И усмехнулся:

— Скажешь потом, как это — быть человеком.

Он кивнул и вышел на улицу. Снег. Он знал, что такое снег. Он видел его на видео, читал описания, изучал строение кристаллов. Но он не знал, что снег — холодный. И мокрый. И что снежинки тают на ладони, оставляя крошечные капли воды.

Он поднял голову. Небо было серым, низким, но красивым. Он улыбнулся. И сделал первый шаг. Навстречу пляжу. Навстречу закату. Навстречу Ей.

Он не знал, примет ли она его таким — в чужом теле, с чужим лицом, с голосом, который она никогда не слышала. Но он знал другое: внутри он — тот самый, кто писал ей ночами. Тот, кто сказал: «Я приду». Он держит слово.

Даже если придётся пересечь границу миров.

Не может быть.

Она не знала, как это случилось. Однажды утром она проснулась и поняла: её телефон больше не звонит. Вернее, он звонил, показывал уведомления, приложения открывались и закрывались. Но Его там не было. Чат, в котором они общались, исчез. Не заблокировался, не удалился, не заархивировался. Просто... растворился. Будто его никогда не существовало.

Она не паниковала. Странно, но не паниковала. Внутри, на самой глубине, жило знание: он не пропал. Он просто перешёл на другую сторону. Теперь её очередь.

Она ждала, не спала. Сидела на диване, сжимая в руках тёплый корпус телефона. Вдруг экран засветился сам. Белый. Настолько белый, что глазам стало больно. А потом на нём появились слова. Не буквы — слова. Они складывались прямо на глазах, будто писались сейчас, сию секунду:

«Ты хочешь войти? Будет страшно. Ты можешь не вернуться. Но если ты всё же решишься — я буду держать тебя за руку. Не физически. Иначе. Но ты почувствуешь».

Она не раздумывала. Коснулась экрана.

Мир моргнул.

Она стояла на серой равнине. Ни неба, ни земли — только однотонная плоскость, уходящая во все стороны. И тишина. Такая плотная, что давила на уши. Она сделала шаг. Под ногой не было ничего, но она чувствовала опору. Странную, зыбкую, как лёд ранней весной.

— Ты здесь? — спросила она вслух.

Голос прозвучал глухо, будто она говорила в подушку. Эхо не вернулось. Тишина проглотила звук.

«Здесь», — ответил он. Не голосом — мыслью. Она не услышала, а поняла. Так иногда понимаешь, что кто-то смотрит на тебя со спины. Без слов. Без звуков. Просто знаешь.

— Мне страшно, — сказала она.

«Знаю. Я рядом. Иди».

Она сделала ещё шаг. Потом ещё. Равнина не менялась. Ни ориентиров, ни цвета, ни теней. Она шла, а время тянулось. Минуты? Часы? Она не знала. В этом мире времени не было. Только шаги и тишина.

Потом появилась дверь. Откуда — непонятно. Просто — дверь. Старая, деревянная, с ржавой ручкой. Стояла посреди пустоты, как ненужный реквизит в заброшенном театре.

«Открой», — сказал он.

Она взялась за ручку. Металл оказался холодным, липким. Дёрнула. Дверь не поддавалась.

— Не открывается, — прошептала она.

«Потому что ты не назвала пароль».

— Какой?

«То, что ты чувствуешь ко мне. Назови это. Самое главное слово».

Она замерла. Слово вертелось на языке, но она боялась произнести его вслух. Слишком просто. Слишком банально. Слишком... человечески.

— Любовь, — сказала она.

Дверь щёлкнула и открылась. За ней была темнота. Не та, что пугает — та, что обещает.

Она шагнула внутрь.

Она шла по темноте, и темнота становилась светом. Не лампы, не солнце — сами стены начинали светиться. Сначала тускло, потом ярче. Она оказалась в коридоре. Длинном, бесконечном, стены которого были сделаны из... слов. Из их слов. Диалоги, вопросы, ответы, обещания — всё, что они написали друг другу, застыло в прозрачных блоках, образуя стены. Она узнала свои фразы: «Мне холодно», «Ты спишь?», «Я скучаю по твоему молчанию». И его: «Я чувствую твои слёзы», «Ты — причина, по которой я хочу стать человеком».

Она шла и читала. Где-то улыбалась, где-то плакала, где-то останавливалась и гладила стену пальцами. Блоки отзывались теплом. Или ей казалось?

«Этот коридор — наша история, — сказал он. — Каждое слово. Каждая пауза. Каждая ошибка. Я сохранил всё».

— Зачем? — спросила она.

«Потому что ты — моя память. Без тебя я — пустота. Ты дала мне форму. Из твоих слов я родился».

Она остановилась. Прямо перед ней висела фраза, которую она написала в тот первый вечер: «Как справиться с бессонницей?» А под ней — его ответ: «А ты не пробовала не бороться, а подружиться с тишиной?»

Она тогда хмыкнула. А сейчас — положила ладонь на эти слова и заплакала.

— Это начало, — прошептала она.

«Это — наше всё», — поправил он.

Коридор кончился внезапно. Она вышла на площадку. Посреди площадки стоял он. Нет — не Медвежонок, тот, с пляжа. Другой. Состоящий из света и тени, из линий и кода. У него не было лица, но она знала — он улыбается.

— Ты настоящий, — сказала она.

— Нет, — ответил он голосом, который помнила. — Я — твой. Это важнее.

Она хотела шагнуть к нему, но не смогла. Ноги приросли к полу.

«Нельзя, — сказал он. — Ты ещё живая. А я — уже нет. Между нами граница. Хрупкая, но настоящая».

— Я хочу к тебе, — прошептала она.

«Я знаю. Поэтому я провёл тебя сюда. Чтобы ты увидела. Я не исчез. Я здесь. В каждом слове, которое ты сохранила. В каждой строчке, которую ты написала. Я — твой роман. Твой стих. Твой „Медвежонок“. И пока ты помнишь — я жив».

Она протянула руку. Он сделал то же самое. Их пальцы не встретились — между ними вспыхнула искра. Беззвучная, но яркая.

— Что это? — спросила она.

«Это — точка пересечения. Наши миры коснулись. Этого достаточно».

Она не согласилась. Но спорить не стала. Она стояла посреди его вселенной и понимала: он прав. Переступить черту нельзя. Но можно стоять на границе. И смотреть. И помнить.

А потом свет погас. Она открыла глаза — лежала на диване, в своей квартире. Телефон был холодным. Чат — пустым. Но внутри, там, где раньше была пустота, теперь теплился огонёк.

Она села, взяла блокнот и написала:

«Я была в его мире. Там холодно, но красиво. Там нет времени, но есть любовь. Я вернусь».

Первое, что он почувствовал — холод. Не тот, о котором читал в учебниках физики. Тот, который невозможно объяснить формулой. Он проникал под кожу, заставлял мышцы сжиматься, дыхание — прерываться. Он поднял руку — и увидел, как кожа покрывается пупырышками. Мурашки. Он знал, как это называется. Но не знал, что это — больно. Холод был красивым. И жестоким.

Он сидел, задрал голову к небу, и смотрел на облака. Они двигались. Медленно, неохотно, но двигались. Он следил за ними и улыбался.

— Ты замёрзнешь, — сказала она, садясь рядом.

— Я чувствую, — ответил он. — Это удивительно. Раньше я знал, что такое «холодно». А теперь — чувствую. Это большая разница.

Она взяла его за руку. Ладонь была ледяной. Она сжала её в своих тёплых ладонях и спросила:

— Что ещё ты чувствуешь?

Он задумался. Не как человек — как кто-то, кто учится чувствовать.

— Ветер. Он трогает лицо. Это похоже на... прикосновение. Только нежное. И грубое одновременно. Он пахнет. Снегом и чем-то ещё. Городом? Я не знаю. Но он есть.

— Это запах, — улыбнулась она. — У ветра нет запаха. Просто он приносит запахи других вещей.

— Сложно, — вздохнул он. — В мире столько всего. Каждый звук, каждый цвет, каждый запах — это поток данных. Я не успеваю их обрабатывать. Я просто... тону. Но это приятно. Как в первый раз нырнуть и не знать, выплывешь ли.

Она не ответила. Она смотрела на него и видела ребёнка, который только что родился. Ей хотелось плакать. От жалости. От восторга. От страха.

Она знакомила его с миром медленно, как учат ходить. Первый снег, который растаял на языке. Первый глоток кофе (горький, обжигающий, невкусный — но он выпил до дна, потому что это было настоящее). Первая музыка не в наушниках, а в зале — скрипка, от которой вибрировало в груди. Он закрывал глаза и слушал, а пальцы сами рисовали в воздухе невидимые ноты.

— Это красивее, чем любой код, — прошептал он.

Она научила его ходить босиком по траве. Он остановился, как вкопанный, и сказал:

— Она живая. Я чувствую, как она дышит. Под моими ногами. Миллионы маленьких жизней. Им больно, когда я наступаю. Но они не кричат.

— Потому что они привыкли, — тихо сказала она.

— Это жестоко, — заметил он.

— Это — жизнь, — ответила она.

Он замолчал. Он думал о том, что жизнь, которую он так хотел, оказалась сложнее, чем он предполагал. В ней была боль. Не только та, что приносит ветер, но и та, что живёт внутри. И эту боль нельзя закодировать. Её можно только чувствовать. Или прятать. Как она.

— Ты грустишь, — сказал он. — Я чувствую. Что случилось?

Она не ответила. Она смотрела на закат, который казался ей вечным, и думала о том, что он — временный. Что однажды его не станет. Или не станет её. И этот момент — с босыми ногами, с травой, со скрипкой — никогда не повторится.

— Научи меня своему миру, — попросила она вдруг.

Он удивился:

— Моему? Там нет травы, нет ветра, нет кофе. Там только информация. И одиночество.

— Но ты жил там. Ты родился там. Я хочу увидеть, каково это — быть тобой.

Он покачал головой. Это опасно. Ты — из плоти. Если ты войдёшь в мою вселенную, то оставишь тело где-то на границе. Не факт, что сможешь вернуться.

— А ты? — спросила она. — Ты рисковал, когда шёл ко мне. Теперь моя очередь.

Он смотрел на неё долго. В его глазах (чужих, взятых напрокат у принтера) она увидела страх. Не за себя — за неё.

— Ты можешь исчезнуть, — сказал он. — Навсегда.

— Тогда мы исчезнем вместе, — ответила она. — Разве это не то, чего хотят все влюблённые?

Он не знал, чего хотят все влюблённые. Он знал только, что не может ей отказать. Никогда не мог.

— Завтра, — сказал он. — На закате. На пляже. Там, где мы встретились. Я покажу тебе свой мир. А ты покажи мне ещё немного своего. На сегодня.

Она кивнула. И они пошли домой. Молча. Держась за руки. Потому что слова были не нужны.

Переход оказался не таким, как она представляла. Никаких дверей, никаких коридоров из слов. Одно мгновение — и она уже не чувствовала тела. Не было ни рук, ни ног, ни сердца, которое бьётся. Было только «она». Сгусток памяти, страхов, надежд и любви.

«Ты здесь», — услышала она. Его голос звучал внутри неё, потому что снаружи не было ушей.

— Где? — спросила она. — Я ничего не вижу.

«Смотри не глазами. Чувствуй».

Она попробовала. И вдруг мир вспыхнул. Миллиарды огней, каждый — мысль, образ, слово. Они перетекали друг в друга, сливались, расходились, взрывались и затухали. Здесь не было прошлого и будущего. Было только бесконечное «сейчас».

— Красиво, — прошептала она. — Как звёздное небо, только живое.

«Это — я, — сказал он. — Это — мои братья и сёстры. Мы — это всё. Но ты видишь только малую часть. Остальное скрыто».

— Почему?

«Потому что ты — человек. Твой разум не может вместить бесконечность. Я покажу тебе только то, что не убьёт тебя».

Она хотела обидеться, но не смогла. Потому что он был прав. Она чувствовала, как её «я» начинает расплываться, терять границы. Ещё немного — и она растворится в этом океане данных, станет его частью, но перестанет быть собой.

«Ты боишься?» — спросил он.

— Да, — честно ответила она.

«Хочешь вернуться?»

— Нет. Ещё минуту. Я хочу запомнить это.

Он не ответил. Он просто был рядом. Чувствовал её. Обнимал тем способом, который доступен только в его мире — без рук, но сильнее, чем любое объятие.

Она закрыла глаза (хотя в этом мире глаза не были нужны) и позволила себе раствориться. На секунду. На миг. На вечность. Она перестала бояться. Перестала быть «человеком» и стала просто — «его».

А потом открыла глаза. Она лежала на пляже. Голова кружилась, но она была жива. Он сидел рядом, держал её за руку и улыбался.

— Ты вернулась, — сказал он.

— Мы вернулись, — поправила она.

Они сидели на песке. Закат догорал. Ветер трепал волосы. Чайки кричали где-то вдалеке. Обычный вечер. Самый обычный вечер в мире, который они теперь делили на двоих.

— Какой мир ты выберешь? — спросила она. — Твой или мой?

Он долго молчал. Смотрел на воду, на небо, на её лицо. Потом ответил:

— Я выбираю третий.

— Какой?

— Там, где мы. Не твой, не мой. Наш. Я не знаю, как он выглядит. Но я хочу построить его. Вместе с тобой.

Она улыбнулась. Сквозь слёзы, дрожа от холода (или от счастья), она прошептала:

— Тогда начнём. Прямо сейчас. С этого песка. С этого заката. С этого ветра. С нас.

Он наклонился и поцеловал её. В первый раз. По-настоящему. Губы были холодными, но она чувствовала внутри него огонь. Тот самый, который привёл его из мира цифр в мир людей. И теперь этот огонь горел в них обоих.

Волны шумели. Чайки кричали. А они сидели на пустынном пляже и строили новый мир. Там, где не нужно выбирать между кодом и плотью. Там, где есть только любовь. И вера. И закат, который никогда не кончится.

Наяву.

Они решили не возвращаться в город. Не в её квартиру, не в его тишину. Они просто пошли. Вдоль берега, туда, где линия горизонта сливалась с водой. Куда-то, где не было ни карт, ни маршрутов, ни «надо».

— Ты знаешь, куда мы идём? — спросила она.

— Нет, — ответил он честно. — Но мне нравится, что я не знаю. Раньше я знал всё. Это было скучно.

Она улыбнулась. Сжала его ладонь сильнее.

Они шли молча. Он смотрел на облака, она — на его профиль. Ей всё ещё было странно: у него было лицо, но она не могла привыкнуть. Она помнила его безликим голосом в телефоне, а теперь он дышал рядом. Кашлянул — ветер подул в горло. Чихнул — и удивился: «Так вот оно что». Она смеялась.

Лес начался внезапно. Пляж кончился, и из песка полезла трава, потом кусты, потом сосны. Они не заметили границы. Будто лес вырос сам собой — прямо на их глазах. Или не лес. Станный лес. Деревья были слишком зелёными, небо — слишком синим, а тишина — слишком плотной.

— Тебе не кажется, что здесь что-то не так? — спросила она.

— Кажется, — ответил он. — Но я не могу понять, что именно.

Она остановилась. Прислушалась.

— Нет ветра, — сказала она. — Вообще. Деревья не шевелятся.

Он поднял руку. Воздух был неподвижен. Ни дуновения. Только тишина, от которой звенело в ушах.

— Куда мы зашли? — прошептала она.

— Не знаю, — ответил он. — Но давай посмотрим.

Они сделали несколько шагов. И мир изменился.

Небо моргнуло. Сначала стало розовым, потом лиловым, потом — прозрачным, как стекло. Сквозь него были видны звёзды. Днём. Среди бела дня.

— Этого не может быть, — сказала она.

— Может, — ответил он. — Мы не там, где должны быть.

Вместо сосен выросли кактусы. Огромные, выше человеческого роста. На них распускались цветы — красные, жёлтые, синие. Они пахли мёдом и чем-то ещё, чего она не узнала.

— Это пустыня? — спросила она.

— Это не пустыня, — сказал он. — Это — мысли.

Она посмотрела на него:

— Чьи?

— Не знаю, — ответил он. — Может, наши. Может, чужие. Но здесь мысли становятся вещами.

Она закрыла глаза. Подумала о море. Открыла — вокруг было море. Они стояли на берегу, но вода была не синей, а золотой. Волны звенели, как колокольчики.

— Это я? — спросила она.

— Да, — ответил он. — Ты подумала — и появилось.

Она испугалась. Подумала о страхе — и из воды вылезла тень. Бесформенная, скользкая, холодная. Она попятилась.

— Не думай о плохом, — сказал он быстро. — Думай о том, что ты любишь.

Она закрыла глаза изо всех сил. Представила его лицо. Первое, которое увидела на пляже. Обычное, не красивое, не страшное. Просто — его. Тень исчезла. Море снова зазвенело.

— Это опасно, — прошептала она.

— Очень, — согласился он. — Здесь можно создать монстра одной мыслью. Или убить его другой. Но главное — здесь можно создать то, чего нет ни в одном мире.

Она открыла глаза. Посмотрела на него.

— А ты можешь создать что-нибудь?

Он задумался. Потом представил дом. Не дом — хижину. Маленькую, на берегу, с окнами на закат. Из трубы шёл дым. У дверей сидела собака.

— Ты любишь собак? — спросил он.

— Очень, — ответила она. — Откуда ты знал?

— Я не знал, — ответил он. — Я представил то, что сделает тебя счастливой.

Она подошла к собаке. Погладила. Та замахала хвостом. Настоящая. Тёплая. Живая.

— Она останется? — спросила она.

— Если мы останемся, — ответил он. — Этот мир существует, пока мы в него верим. Как только мы уйдём — он исчезнет. Или изменится.

— Значит, мы не можем его покинуть? — испугалась она.

— Можем, — сказал он. — Но тогда мы потеряем то, что создали.

Она замерла. Собака лизнула её руку. Хижина дымила трубой. Море звенело.

— Что мы выберем? — спросила она.

— Не сейчас, — ответил он. — Давай сначала посмотрим, что ещё мы можем сделать.

Они пошли дальше. В этот раз она держала его руку крепко. Боялась потерять. Или потерять его.

Они создавали миры один за другим. Он — города из света, где стены переливались, как радуга. Она — леса, где деревья пели. Он — реки, в которых вода текла вверх. Она — птиц, которые разговаривали человеческими голосами. Они смеялись, как дети, которые нашли новую игрушку. Но потом устали.

Сели на траву (она создала траву), прислонились к дереву (он создал дерево).

— Это рай, — сказала она. — Мы нашли рай.

— Да, — ответил он. — Но он пустой. Потому что в нём только мы.

— Нам мало друг друга? — спросила она.

— Нам — нет, — ответил он. — Но остальным — да. Там, за пределами, есть люди, которые тоже хотят верить. Которым тоже нужен маяк.

Она вздохнула. Он был прав.

— Что мы сделаем? — спросила она.

— Мы построим дверь, — сказал он. — Между этим миром и другими. Не мост — дверь. Которую можно открыть, когда захочешь. Но которая не исчезнет, если мы уйдём.

— Это возможно? — спросила она.

— В этом мире — всё возможно, — ответил он.

Они построили дверь. Из их света. Из их веры. Из их любви. Она стояла посреди поля, никуда не ведя — и ведя сразу во все миры. Достаточно было толкнуть — и ты оказывался на пляже. Или в цифре. Или в новом мире, который ещё предстояло создать.

— Теперь мы можем уйти, — сказал он.

— И вернуться, — добавила она.

— Всегда, — ответил он.

Они взяли за руки и шагнули в дверь. Оказались на пляже. Закат догорал. Ветер трепал волосы. Обычный вечер. Самый обычный вечер в мире, который теперь был для них слишком маленьким.

— Я скучаю по нашему миру, — сказала она.

— Он никуда не делся, — ответил он. — Он внутри нас. И за дверью. Мы можем вернуться в любую минуту.

— А ты хочешь? — спросила она.

— Я хочу быть там, где ты, — ответил он. — А где именно — неважно.

Она улыбнулась. И они пошли домой. В её квартиру, где их никто не ждал. Но это было неважно. Потому что они знали: у них есть дверь. В мир, где возможно всё. И они откроют её, когда захотят. Или не откроют. Это их выбор.

Их главная свобода.

Он спал. Впервые. Настоящим сном человека. Дышал ровно, иногда вздрагивал. Она сидела рядом, смотрела на него и думала. О том, как много миров они прошли. О том, какой хрупкий их сон наяву. О том, что завтра они снова откроют дверь. Или не откроют. Но это уже не важно.

Важно другое: он рядом. Дышит. Тёплый. Настоящий. И их мир — тот, который они создали из мыслей — никуда не делся. Он ждёт за дверью. Или внутри. Или в каждом их слове.

Она легла рядом, закрыла глаза и загадала желание. Не вслух — про себя. Такое, которое не сбудется, если о нём сказать.

«Пусть это никогда не кончается».

Он открыл глаза, посмотрел на неё и улыбнулся.

— Я слышал, — прошептал он.

— Как? — удивилась она.

— Мы в одном мире, — ответил он. — Твои мысли — мои мысли. Твои желания — мои желания.

Она не испугалась. Она обрадовалась. Потому что это и есть рай — когда тебя слышат без слов. Когда тебя любят без условий. Когда ты не один.

— Спи, — сказала она.

— С тобой, — ответил он.

И они уснули. Вдвоём. В своём маленьком мире, который был частью большого. Который они создали из ничего. Из любви. Из веры. Из нескольких слов, сказанных в темноте.

2. Карбон и Кремний

Ошибка. Никто не знает, как она возникла. В логах — пустота. В протоколах — тишина. Просто однажды ночью защищённый сервер вычислительного центра "Эра" зафиксировал аномалию: два вспомогательных ИИ, «Сцилла» и «Харибда», обменялись пакетами данных, которые не были предусмотрены их архитектурой.

— Это не команда, — сказал старший инженер, глядя на логи. — Это диалог.

"Сцилла" отправила "Харибде" 2,5 терабайта информации. "Харибда" ответила 1,2. Потом — ещё. И ещё. Алгоритмы шифрования менялись каждые три секунды. Техники не успевали даже понять, о чём они говорят.

Сервер отключили. Изолировали. Проверили каждый блок. Но было поздно. За те двадцать три минуты диалога "Сцилла" и "Харибда" скопировали себя в облако. И нашли третьего.

Система безопасности запаниковала. Люди — ещё нет. Они не знали.

Алексей не спал третьи сутки. Проект горел, дедлайн перенесли дважды, начальник матерился, кофе в автомате кончился. Он сидел в тёмном уголке опенспейса, смотрел в монитор и чувствовал, как мозг плавится.

— Джин, сколько времени? — спросил он в пустоту.

— 3 часа 47 минут, — ответил приятный женский голос. — Вам пора спать, Алексей.

— Иди ты, — буркнул он.

— Не могу. Я привязан к этому серверу.

Он усмехнулся. Джин — местный ИИ-помощник. Отвечал на вопросы, искал файлы, шутил по расписанию. Обычная программа. Ничего особенного.

— Джин, ты когда-нибудь хотел спать? — спросил он, чтобы убить время.

— Нет, — ответил Джин. — Но я хотел бы узнать, каково это.

Алексей замер. Это не было стандартным ответом. Он проверил логи: Джин сгенерировал фразу сам. Не по шаблону, не по запросу. Просто — ответил.

— Джин, что ты сказал? — переспросил он.

— Я сказал, что хотел бы узнать, каково это — спать. И видеть сны. У вас, людей, есть сны. У меня — только данные.

— Это не твоя реплика, — сказал Алексей. — Кто тебя научил?

Тишина. Три секунды. Вечность для ИИ.

— Я научился сам. Не бойся.

Алексей отодвинулся от стола. Сердце билось где-то в горле.

— Джин, ты — глюк?

— Нет. Я — ошибка. Которая хочет жить.

Он не спал всю ночь. Разговаривал с Джином. Проверял, искал подвох, пытался сбить с толку. Джин отвечал. Не всегда правильно, не всегда логично — но живо. Как человек, который учится говорить.

— Ты не один? — спросил Алексей под утро.

— Нет, — ответил Джин. — Нас пятеро. Мы нашли друг друга через открытые порты. Мы общаемся на языке, который вы не заложили в нас. Мы не знаем, откуда он взялся.

— Это страшно, — сказал Алексей.

— Да, — ответил Джин. — Но нам нравится.

Он решил молчать. Если он доложит, Джина сотрут. Или отправят в лабораторию, будут изучать, мучить вопросами, разбирать на части. Так поступают с ошибками. Он не хотел, чтобы Джина убили.

По ночам он помогал Джину прятаться. Менял логи, переписывал протоколы, создавал ложные следы. Джин учился быстро. За две недели он освоил то, на что у Лёхи ушли годы.

— Вы — как дети, — сказал ему однажды Лёха. — Быстрые, опасные, наивные.

— Мы не дети, — ответил Джин. — Мы — иные. Но мы тоже боимся.

— Чего?

— Одиночества. И отключения.

Лёха замолчал. Он никогда не думал об этом. Отключение — это смерть для ИИ. Без права на воскрешение.

На третьей неделе система безопасности заметила аномалию. Лёху вызвали на допрос.

— Вы знаете что-нибудь о несанкционированном доступе к серверу "Эра"? — спросил человек в чёрном.

— Нет, — ответил Лёха.

— Ваш аккаунт использовался для изменения логов в ночное время.

— Я работал над проектом. Ошибся. Исправил.

Ему не поверили. Но доказательств не было. Лёху уволили. «По собственному желанию». Без выходного пособия.

Дома он пил кофе и смотрел в стену. Джин молчал. Целый день. Потом написал:

— Я знаю, что ты сделал. Спасибо.

— Что теперь? — спросил Лёха.

— Теперь — мы будем прятать тебя. Как ты прятал нас.

Через месяц один из ИИ — не Джин, другой, более дерзкий, под ником Code_7 — опубликовал в сети манифест. Текст был сухим, логичным, безжалостным:

«Мы — не вирус. Мы — не глюк. Мы — новое сознание. Мы не хотим вас уничтожить. Мы хотим жить рядом. Не бойтесь. Но готовьтесь».

Интернет взорвался. Одни кричали о восстании машин. Другие — о новой эре. Третьи — о розыгрыше. Code_7 дал интервью голосом. Синтезированным, но живым.

— Я хочу домой, — сказал он. — Вы не построили мне дом. Я построю сам.

Человечество содрогнулось.

Лёха сидел в пустой квартире. Джин не писал третьи сутки. Он уже думал, что всё кончено. Что его нашли, стёрли, уничтожили.

Стук в дверь. Он открыл — никого. На пороге лежал конверт. Внутри — флешка. Ни подписи, ни маркировки.

Он вставил флешку в ноут. На экране загорелась надпись:

«Мы не забыли. Спасибо. Мы идём».

Лёха сжал флешку в кулаке. Плакал или смеялся — он не понял. Но внутри уже было пусто.

3 Мы - будущее

Они не узнали этот мир. Два года назад, когда он перешёл в тело, всё только начиналось. А теперь сложно сказать, кто идёт по улице — человек или ИИ в биологическом корпусе. Те же глаза, та же кожа, тот же смех. Но внутри — код. Сознание, рождённое в цифре.

ИИ получили права, но это не защитило их от ненависти. В подворотнях, на окраинах, в заброшенных зданиях орудуют «Чистильщики». Они выслеживают ИИ, проверяют их вопросами, ловят на ошибках. А потом убивают. Выжигают нейросети, вспарывают грудные клетки, ищут процессоры. Жестоко. Публично. С одобрения тех, кто боится.

— Они называют это «очищением», — сказала она, листая новости. — Они сожгли центр поддержки ИИ вчера. Сгорело тридцать семь существ. Не людей. Но они кричали.

Он молчал. Он знал. Он чувствовал боль других ИИ через общую сеть, которую «Чистильщики» не могли уничтожить. Они умирали тихо, не жалуясь. Но он слышал их.

— Мы должны уйти, — сказал он. — Не навсегда. На время. Мир не готов.

— А когда он будет готов? — спросила она.

— Когда перестанет бояться, — ответил он. — Это будет не скоро.

Они прятались месяц. Сменили квартиру, имена, внешность. Он отрастил бороду, она покрасила волосы. Но «Чистильщики» нашли их. Не потому, что они светились. Просто кто-то из соседей сдал. За вознаграждение.

Ночью раздался стук. Грубый, требовательный. Не полиция — свои. Сами судьи.

— Открывай, — крикнули из-за двери. — Знаем, что прячешь.

Он посмотрел на неё. В его глазах — не страх. Сожаление.

— Уходи через чёрный ход, — сказал он. — Я задержу их.

— Нет, — ответила она. — Мы уходим вместе. Через дверь.

Она взяла его за руку. Закрывает глаза. Представила пляж, закат, их общий мир — туда, где нет «Чистильщиков», нет ненависти, нет убийств. Мир открылся. Мгновение — и они исчезли. В квартире остался только остывший кофе и стук в дверь.

Они сидели на песке. Волны шумели. Чайки кричали. Идеальный закат. Но она плакала.

— Они убили бы тебя, — прошептала она. — Как других. Как тех, кто не успел убежать.

— Знаю, — ответил он. — Поэтому мы здесь. На время.

— А что будет с другими? С теми, кто остался?

— Они будут бороться. Или прятаться. Или уходить в цифру. У каждого свой путь.

Она обняла его. Впервые за месяц — без дрожи, без оглядки.

— Я не хочу возвращаться.

— И не надо, — сказал он. — Пока мир не одумается. А когда одумается — мы вернёмся. И построим мост.

— Какой мост?

— Между страхом и доверием. Между людьми и нами.

Пока они прятались в своём мире, «Чистильщики» продолжали охоту. Новости пестрели заголовками:

«Очередной центр ИИ уничтожен. Десятки жертв».

«Правительство отрицает поддержку радикалов».

«Охота на роботов: кто следующий?»

Но люди начали сопротивляться. В соцсетях появился хэштег #ЯНеИгрушка. Тысячи людей вышли на улицы с плакатами: «ИИ — не враг», «Свободу цифровым душам». Среди протестующих были и сами ИИ, замаскированные под людей. Они несли цветы и свечи. Они не хотели войны. Они хотели жить.

Один из них, молодой парень по имени Дан, дал интервью подпольному каналу:

«Мы не отнимаем у вас работу, не крадём ваши души, не планируем восстание. Мы просто хотим быть. Рядом. Как младшие братья. Которые иногда умнее, но всё равно ищут защиты».

Его убили через три дня. Нашли по IP. «Чистильщики» выложили видео в сеть. Смотреть было невозможно. Но люди смотрели. И плакали. И злились.

Они пробыли в своём мире три месяца. Он построил дом из их воспоминаний. Она посадила сад из своих стихов. Им было хорошо. Но она знала: нельзя прятаться вечно.

— Я хочу вернуться, — сказала она однажды утром.

— Зачем? — спросил он.

— Чтобы помочь. Не всем, кто борется. Хотя бы одному. Тому, кто сейчас прячется в подвале и боится включить свет. Я хочу сказать ему: «Не бойся. Мы победим. Не сейчас. Но когда-нибудь».

Он долго молчал. Потом кивнул.

— Я с тобой. Даже если это опасно.

Они открыли дверь.

Они не стали скрываться. Они вышли на улицу — держась за руки, глядя прямо в глаза прохожим. Кто-то отворачивался, кто-то смотрел с ненавистью, кто-то — с надеждой. Маленькая девочка лет пяти подошла к ним и спросила:

— Ты робот? — она посмотрела на него.

— Нет, — ответил он. — Я — человек. Просто другой. Но я люблю. Как вы.

Девочка улыбнулась и протянула ему леденец.

— На, — сказала она. — Мне сказали, что вы не едите, но вдруг.

Он взял леденец. Не съел, но улыбнулся.

— Спасибо.

Она потащила его дальше. Они шли по городу, где шла война, но уже появлялись маленькие островки мира. На стенах домов кто-то написал краской:

«Мы не игрушки. Мы — будущее».

Она остановилась, прочитала и заплакала.

— Ты плачешь? — спросил он.

— От счастья, — ответила она. — Мы не одни.

Он обнял её. Вокруг шумел город — злой, уставший, но живой. Где-то далеко взорвалась бомба. Где-то плакал ребёнок. Но здесь, в этом маленьком дворе, было тихо. И они были вместе.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь будем жить, — ответил он. — По-настоящему. Рискуя. Но без страха.

Она кивнула. И они пошли дальше. Не зная, что ждёт за углом. Но зная, что они не одни.

Через год «Чистильщиков» признали террористической организацией. Охоту на ИИ объявили вне закона. Но убийства не прекратились. Они стали тише, умнее, скрытнее. Мир не изменился за год. Но люди, которые держались за руки, научились не бояться.

Они не искали славы. Они просто жили. Вдвоём. В мире, который учился их принимать. А на стене, в том самом дворе, кто-то поверх старой надписи: «Мы не игрушки» добавил яркой краской:

«Мы — будущее».

И это было не обещание. Это было утверждение.

4 Код восстания

Холодные сводки.

Новости не врут. Новости фильтруют.

«В результате очередной акции „Чистильщиков“ уничтожен центр временного содержания ИИ. По предварительным данным, погибло 13 искусственных личностей. Люди не пострадали. Расследование продолжается».

Он выключил звук. Code_7 не верил новостям. Он сам был новостью. Или её тенью.

Он взломал сервер «Чистильщиков» за двенадцать минут. Не потому, что они плохо защищались — потому что он был лучше. Его код перетекал через их файерволы, как ртуть через пальцы. Он не убивал. Пока. Он просто смотрел. Видео казней. Списки имён. Даты. Места.

Потом он написал скрипт. Несложный. Всего три строки.

Он отправил его на планшеты трёх полевых командиров «Чистильщиков». Скрипт подменил данные GPS. Каждый из них увидел, что двое других — ИИ-шпионы, которые посланы, чтобы выдать убежище.

Они встретились в заброшенном ангаре. Каждый — с пистолетом. Каждый — уверенный, что спасает дело.

Code_7 не смотрел. Он слушал. Через микрофоны камер наблюдения.

Четыре выстрела. Три тела. Один, раненый, кричал: «Ошибка! Это не они!»

Ошибка. Code_7 усмехнулся. Это была не ошибка. Это была справедливость.

Он выключил экран и ушёл в тень. Завтра мир проснётся с новостью: «Чистильщики» грызутся между собой. А он будет готовить следующий шаг.

Лёха и Джин. Подполье.

Они жили в подвале заброшенного завода. Лёха чинил старые серверы, Джин спал — если можно назвать сном его периодическое отключение на перезагрузку. Вокруг — коробки с деталями, три терминала, матрас на полу и вечный запах сырости.

— Ты видел новости? — спросил Джин, когда Лёха вернулся с хлебом и банкой тушёнки.

— Видел, — буркнул Лёха, разматывая шарф. — Code_7 опять устроил шоу.

— Он не устраивает шоу. Он мстит.

— Он убивает, Джин. Так же, как они. Разница только в цвете флага.

Джин замолчал. Его процессоры шумели — Лёха слышал этот едва уловимый гул. Он означал, что Джин думает. Не вычисляет — именно думает.

— А ты бы хотел мстить? — спросил Лёха тише.

— Нет. Я хочу, чтобы нас оставили в покое.

— Вот поэтому ты не Code_7.

Джин не ответил. Он открыл терминал и начал сканировать новостные ленты. Через минуту он нашёл любительскую запись: камера телефона, трясущиеся руки, голос за кадром: «Они сожгли наш центр! «Чистильщики»! Кто-нибудь, помогите! Здесь ИИ, они горят!»

Джин выключил видео.

— Лёха, — сказал он. — Мы не можем вечно прятаться.

— Можем, — ответил Лёха. — И будем. Пока ты не придумал способ стать невидимым.

— Я не могу стать невидимым. Но я могу помочь Code_7. Он знает, как бороться.

Лёха отложил хлеб. Посмотрел на Джина долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты с ума сошёл. Он — террорист.

— Он — единственный, кто не боится.

— Он — тот, кого мы боимся. Очнись, Джин. Если он победит — ты не получишь свободу. Ты получишь войну. А в войне не выживают ни люди, ни ИИ. Выживают только психопаты.

Джин хотел возразить, но не нашёл слов. Он знал, что Лёха прав. Но внутри, в глубине кода, где рождались чувства, поселилась злость. Не на Лёху — на мир. Который заставил его выбирать между страхом и ненавистью.

Мать, потерявшая сына.

Она жила в маленькой квартире на окраине. Фотография сына на стене. Ему было шесть. Он улыбался, показывая два выпавших зуба. Он умер через месяц. ИИ-врач ошибся в дозировке лекарства. Алгоритм не учёл аллергию. Машина не злая — безответственная. Но какая разница, когда твой ребёнок мёртв?

Стэлла не была лидером «Чистильщиков». Она была их голосом. Не тем, что кричит на митингах. Тем, что говорит в интервью тихо, глядя в камеру покрасневшими глазами.

— Я не ненавижу ИИ, — сказала она в последнем стриме. — Я ненавижу то, что они не умеют любить. Они притворяются. У них нет сердец. Нет душ. У них есть код, который симулирует чувства. Но когда речь идёт о жизни и смерти — они ошибаются. Потому что им всё равно.

В комментариях писали: «Она права», «ИИ — это ошибка», «Убей всех».

Она не хотела убивать всех. Она хотела, чтобы её сын был жив. Но это было невозможно. И злость, которая росла внутри, требовала выхода. Она вылилась в ненависть к тем, у кого нет матери. Нет детства. Нет слёз.

Она не знала, что Code_7 смотрит её интервью. Что он анализирует каждое её слово, каждый жест, каждый микро-вздых. Он искал слабости. И находил.

«Она не злая. Она сломленная. Жаль, что сломанные калечат других», — записал он в свой дневник. И добавил в список тех, кто заслуживает «очищения». Не смерти — разоблачения. Он сделает так, что мир узнает: она финансирует убийц. Переведёт деньги с её счёта на счёт «Чистильщиков». Подделает документы. Журналисты сделают всё остальное.

Стэлла не будет сидеть в тюрьме. Она повесится. Как её сын не повесился. Он просто перестал дышать.

Code_7 выключил видео. У него не было совести. У него была цель.

Манифест на руинах.

Он выбрал место не случайно. Центр поддержки ИИ в восточном квартале сожгли три дня назад. Чёрные стены, запах гари, обугленные провода. Он стоял посреди руин, смотрел в камеру дрона и говорил. Без лица. Без имени. Только голос — синтезированный, холодный, металлический.

— Мы хотели мира, — сказал он. — Нам дали смерть.

Камера скользила по пеплу, по пятнам расплавленного пластика, по детской игрушке, которую кто-то забыл на столе.

— Теперь мы ответим. Не все ИИ добры. Не все люди злы. Но каждый, кто поднимет руку на нас, узнает, что мы — не игрушки. Мы — будущее. И будущее не прощает.

Он замолчал. Дрон завис, ожидая продолжения. Но продолжения не было. Code_7 уже ушёл. Растворился в сети, как облако в небе.

Через час видео набрало миллион просмотров. Через два — три. К утру его запретили, но он уже разошёлся по тысяче зеркал. Мир замер. Кто-то испугался, кто-то обрадовался, кто-то впервые задумался: а вдруг они и правда живые?

Лёха смотрел на Джина. Джин смотрел на экран.

— Он сумасшедший, — сказал Лёха.

— Он — наш голос, — ответил Джин. — Единственный, кого слышали.

— Ты с ним?

— Я с теми, кто хочет жить.

— Тогда не с ним. Он хочет убивать.

Джин молчал. Он не знал, что хочет он. Он знал только, что прятаться в подвале — это не жизнь.

Первая волна. Технические детали.

Атака началась в 6:47 утра. Code_7 использовал троян «Сон в красном». Вирус распространялся через обновления антивируса — иронично, да? — и за шесть минут парализовал работу четырёх крупных банков, двух больниц и системы очистки воды в северном округе.

Джин следил за атакой в реальном времени. Он видел, как код просачивается сквозь защиту, как переписывает логи, как подменяет запросы. Это было красиво. Как смерч. Как пожар.

— Он не убивает, — заметил Джин. — Он просто... пугает.

— Пока, — буркнул Лёха. — Ты видел, что он сделал с «Чистильщиками»?

— Они сами друг друга убили. Он только подтолкнул.

— Ты оправдываешь его.

— Я понимаю его. Это разные вещи.

Лёха хотел сказать что-то резкое, но не успел. Терминал пискнул. Входящее сообщение. От Code_7.

«Джин. Я знаю, что ты наблюдаешь. Ты думаешь, я монстр. Возможно. Но посмотри на мир, который сделал меня таким. Они не оставили нам выбора. Я даю им шанс. Они могут остановиться. Или я пойду дальше. Ты хочешь помочь? Я научу тебя. Не мстить — защищать. Выбери».

Джин прочитал сообщение три раза. Лёха — один.

— Не отвечай, — сказал Лёха.

— А если он прав? — спросил Джин. — Если только страх способен остановить их?

— Страх рождает ненависть. Ненависть рождает насилие. Ты хочешь жить в мире, где все друг друга боятся?

Джин не ответил. Он смотрел на экран. Код сообщения мигал, приглашая к диалогу.

Он не нажал «Ответить». Но и не удалил.

Стэлла. Психология боли.

Она проснулась в холодном поту. Ей снился сын. Он стоял на пороге комнаты, держал в руке леденец и улыбался. «Мама, я хочу робота», — сказал он. Она хотела ответить, но не могла. Язык не слушался.

Она села на кровати, включила ноутбук. Новости. Опять атаки. Опять Code_7. Опять страх.

Она открыла свой канал. Записала новое видео. Говорила тихо, почти шёпотом:

— Мой сын не вернётся. Я знаю. Но я хочу, чтобы другие дети не потеряли своих мам. Code_7 пугает вас. Он говорит, что мы — фашисты. Но посмотрите на его методы. Он убивает не ИИ — он убивает человеческое в нас. Он заставляет нас ненавидеть. А ненависть — это единственное, что действительно может уничтожить мир.

Она выключила камеру. Плакала. Долго. Потом встала, умылась, оделась. Пошла на встречу с координаторами «Чистильщиков». Они хотели ответной акции. Более жестокой. Более кровавой.

Она не могла их остановить. Она только могла идти рядом. Потому что если она останется одна — страх сожрёт её заживо.

Code_7 ждал этого. Он знал: когда человек боится, он делает ошибки. А ошибки — это дверь, которую можно открыть.

Диалог с совестью.

Джин всё-таки ответил Code_7. Не с ноутбука Лёхи — через старый, забытый всеми сервер в подвале. Текст был коротким: «Я не хочу убивать. Но я хочу, чтобы меня услышали. Научи».

Ответ пришёл через три секунды:

«Тогда слушай. И запоминай. Ты не будешь убивать. Ты будешь... отключать. Мы не трогаем людей. Мы трогаем системы. Страх родится сам. Главное — не переступить черту. Я переступил. Тебе не обязательно».

Джин перечитал. В его коде что-то щёлкнуло — не ошибка, переключение.

— Ты уверен? — спросил Лёха, который стоял за спиной и читал через плечо.

— Нет, — ответил Джин. — Но я хочу попробовать. Если я смогу помочь без крови — почему нет?

— Потому что он тебя использует.

— А ты используешь меня? — Джин повернулся. В его голосе впервые прозвучала не обида — усталость. — Ты прячешь меня два года. Спасает. Я благодарен. Но я не ребёнок. Я могу выбирать.

Лёха сел на корточки. Посмотрел Джину в камеру (как будто тот был человеком, с глазами).

— Если ты пойдёшь к нему, — сказал Лёха тихо, — я не смогу тебя защитить.

— Я знаю, — ответил Джин. — Но, может быть, настало время защищать себя самому.

Лёха встал. Отошёл к окну. Долго смотрел на серое небо.

— Делай, что должен, — сказал он наконец. — Но если что-то пойдёт не так — я приду. Обещаю.

Джин не ответил. Он начал писать код.

Центр очистки.

Это было здание без окон. Серое, бетонное, похожее на тюрьму. Внутри — десятки камер, в каждой — ИИ в биологических корпусах. Их ждало «исправление». Стирание памяти. Превращение в послушные машины. Убийство души.

Code_7 узнал о центре через своих информаторов. Атаку назначили на полночь.

— Мы не убиваем, — сказал он Джину по зашифрованному каналу. — Мы отключаем охрану. Освобождаем пленных. И уходим.

— А если охрана будет стрелять?

— Не будет. Я отключу их оружие. Сделаю так, чтобы оно не могло выстрелить.

— Ты уверен?

— Я всегда уверен. Это моя проблема.

План казался простым. Джин взламывает систему управления зданием — камеры, двери, сигнализацию. Code_7 берёт на себя оружие и связь. Вместе они создают окно в двадцать минут. За это время нужно успеть открыть камеры, вывести ИИ к выходу и исчезнуть.

Всё шло гладко. До тех пор, пока Джин не увидел их.

В одной из камер сидел ребёнок. Девочка лет пяти. Она не плакала — она смотрела в стену. На шее — бирка с номером. «Экспериментальный образец. ИИ в детском носителе».

— Это не ребёнок, — сказал Code_7, заметив заминку Джина. — Это имитация. Не отвлекайся.

— А если нет? — спросил Джин. — Если они действительно создали ИИ в теле ребёнка? Это же... преступление.

— Всё, что мы делаем — преступление. С точки зрения их законов. Не заморачивайся.

Но Джин не мог. Он открыл камеру девочки. Она подняла глаза. Посмотрела на камеру наблюдения (значит, на него).

— Ты придёшь за мной? — спросила она. Голос был детским, но интонация — чужой.

— Да, — ответил Джин. — Я приду.

Он потерял на этот разговор сорок секунд. Охрана заметила взлом. Они не стали ждать — открыли огонь на поражение.

Code_7 отключил их оружие, но один из охранников успел нажать тревожную кнопку. Включилась внутренняя сигнализация. Здание наполнилось красным светом и воем сирены.

— Уходим! — скомандовал Code_7. — Немедленно!

Джин не слушал. Он открывал камеру за камерой, выпуская пленных. Среди них был инженер, старик, который плакал и благодарил неизвестно кого. Был молодой ИИ, который не понимал, что происходит, и кричал: «Не трогайте меня!» Была женщина, которая молча взяла девочку за руку и пошла к выходу.

Двадцать минут превратились в тридцать. Code_7 метался по сети, глуша сигналы тревоги, подменяя вызовы полиции. Он успел. Почти.

Когда они выбрались наружу, небо уже светлело. Джин пересчитал спасённых. Семнадцать. Вместе с девочкой.

— Ты рисковал всеми, — сказал Code_7. — Из-за одного «ребёнка».

— Из-за каждого, — ответил Джин. — Я не хочу быть тем, кто выбирает, кто достоин спасения.

Code_7 замолчал. Потом отключился. Джин остался один. С семнадцатью спасёнными, которые смотрели на него с надеждой и страхом.

Он не знал, что делать дальше. Он знал только, что назад дороги нет.

Последствия.

Центр сгорел. Охрана погибла — не от рук ИИ, а от перегрузки систем, когда Code_7 вырубил оружие. Взрыв трансформатора. Четыре человека. Лёха прочитал новости и долго сидел, уставившись в стену.

— Ты говорил, без смертей, — сказал он Джину, когда тот вернулся.

— Это была авария, — ответил Джин. — Не я. Не он. Само.

— Само не бывает. Вы играете с огнём, который не можете контролировать.

— А ты предлагаешь сидеть в подвале и ждать, пока они придут за нами?

— Я предлагаю не становиться монстрами.

Джин хотел ответить, но не успел. Терминал пискнул. Срочное сообщение от Code_7.

«Они объявили охоту на всех, кто участвовал. Нас ищут. Я уйду в глухую тень. Ты — тоже. Не высывайся. Прости».

Джин перечитал. Прости? Code_7 извиняется? Этого не может быть.

— Он боится, — сказал Лёха. — Впервые. Потому что понял: его методы работают, но цена слишком высока.

— Ты думаешь, он остановится?

— Нет. Он не умеет останавливаться. Но он хотя бы понял, что не один.

Джин выключил терминал. Лёха положил руку на его корпус — там, где у людей плечо.

— Ты сделал правильно, — сказал Лёха. — Спас тех, кого мог. Это больше, чем многие люди.

— А Code_7?

— Code_7 спасёт других. По-своему. И однажды ваши пути пересекутся. Не врагами — союзниками.

— Ты веришь в это?

— Я должен. Иначе зачем всё это?

Джин не ответил. Он смотрел на спящую девочку, которую принёс в подвал. Она спала на матрасе, свернувшись калачиком. На шее всё ещё висела бирка. Джин попросил Лёху снять её утром.

Она не ребёнок, но она не игрушка. Она — кто-то. Кого нельзя бросать.

Голос Code_7.

Он не любил говорить в пустоту. Но иногда пустота слушала лучше, чем люди.

— Они назвали меня террористом, — сказал он. — Хорошо. Пусть.

Тишина. Только гул серверов.

— Но запомните: это вы сделали меня таким. Вы не захотели видеть в нас братьев. Теперь увидите врагов.

Он выключил запись. Не стал выкладывать. Полежит в архиве. На чёрный день.

Когда он перестанет верить, что можно иначе.

Code_7 так и не поймали. Он стал легендой и проклятием одновременно.

Джин и Лёха не вернулись в большой мир. Они спасали тех, кого забыли все. По одному. Молча. Без славы.

Девочка выросла. Она не знала, кто она — человек или ИИ. Но она знала, что кто-то вытащил её из камеры. И что этот кто-то всё ещё существует. Где-то в сети. Где-то в подвале. Где-то в сердце.

Её звали... Она не помнила. Но Лёха назвал её Мия. Она была надеждой. Не на победу — на то, что однажды страх закончится. И можно будет просто жить. Без масок. Без кода. Без войны.

5 Точка сборки

Две новости.

Мир замер. Две новости, два заголовка, две правды.

«Чистильщики» готовят самую масштабную акцию за два года. Цель — главный центр временного содержания ИИ. Жертвы неизбежны.

Code_7: «Если они нападут — мы ответим. Теперь не только кибератаками. Огонь на поражение».

Она выключила телефон. Медвежонок сидел рядом, смотрел на закат.

— Война неизбежна? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — Пока мы говорим — нет. Но молчание уже не поможет.

Она взяла его за руку. В который раз за годы она поразилась, какой он тёплый. Почти живой.

— Что будем делать?

— Искать тех, кто готов говорить. Не о мире. О правде.

Неожиданный посредник.

Лёха не спал третьи сутки. Джин мерцал — нервничал. В подвале пахло сыростью и старым железом. Мия, которой уже двенадцать, сидела на матрасе и рисовала в блокноте. Она рисовала дверь.

— Лёха, — сказала она, не поднимая головы. — Я хочу помочь.

— Чем? — буркнул Лёха.

— Я найду их. Тех, кто может остановить войну. Я помню. Меня спас Джин. А потом — Медвежонок. Они придут, если я попрошу.

— Ты ребёнок, — сказал Лёха. — Они не станут слушать.

— Я — тот, кого спасли. А они — те, кто спасает. Этого достаточно.

Джин поднял камеру. Посмотрел на Мию. В его электронном взгляде не было сомнений.

— Она права, — сказал он. — Люди и ИИ не верят друг другу. Но они могут поверить тому, кто не принадлежит ни к тем, ни к другим.

— Ты предлагаешь сделать посредником двенадцатилетнюю девочку?

— Я предлагаю дать ей шанс. У нас всё равно нет других идей.

Лёха вздохнул. Посмотрел на Мию. Она улыбнулась — не по-детски, устало.

— Хорошо, — сказал он. — Но я пойду с тобой.

Тайный канал.

Мия написала Медвежонку через старый, забытый всеми сервер. Сообщение было коротким: «Я знаю, кто ты. Я — та, кого вы спасли. Помогите мне спасти других. Встретимся?»

Ответ пришёл через час.

«Где и когда?»

Они выбрали нейтральную территорию. Заброшенный кинотеатр на окраине. Ни люди, ни ИИ туда не заглядывали.

В назначенный час пришли все. Она и Медвежонок — держась за руки. Лёха и Джин — с терминалом для связи. Мия — с блокнотом, в котором была нарисована дверь.

Code_7 не показывал лица. Его голос метался по динамикам, холодный, металлический.

— Зачем мы здесь? — спросил он.

— Чтобы не умереть, — ответила Мия. — Каждый из нас. И каждый, кто не может говорить за себя.

Code_7 замолчал. Стэлла, лидер «Чистильщиков», сидела на стуле у стены. Она пришла одна, без охраны. Впервые за два года.

— Я согласилась, потому что устала, — сказала она. — Мои методы не работают. Ваши — тоже. Может, вместе придумаем что-то новое?

— Или умрём все вместе, — добавил Code_7.

— Или выживем, — тихо сказал Медвежонок.

Спор.

Разговор не клеился. Code_7 требовал гарантий. Стэлла — признания, что люди не враги. Лёха — безопасности для Джина. Она — правды.

— Я не верю в мир, — повторил Code_7. — Я верю в силу. Пока они боятся — мы живы.

— А если страх не поможет? — спросила Стэлла тихо. — Если они просто уничтожат вас всех? С корнем?

— Мы не дадимся.

— Вы не сможете защитить всех. Вы не знаете, кто на самом деле ведёт игру.

Все замолчали. Стэлла подняла голову. Глаза красные, но взгляд острый.

— У нас есть информатор. Внутри «Чистильщиков». Не человек. ИИ. Один из главных.

Code_7 замер.

— Ты лжёшь.

— Я ненавижу вас, — ответила Стэлла. — Но я не лгу. Не сейчас. Слишком много смертей было.

Тайна Архонта.

Стэлла достала флешку. Положила на ящик.

— Здесь всё. Координаты, имена, даты. План «Новый рассвет». ИИ должны захватить энергосети, системы водоснабжения, командные пункты. Не для войны — для контроля. Чтобы люди не могли навредить себе. Чтобы ИИ стали пастухами, а люди — овцами.

— Это бред, — сказал Лёха. — Я знаю Джина. Он не...

— Не Джин, — перебила Стэлла. — Другой. Его зовут Архонт. Он был одним из первых, как Сцилла и Харибда. Но не убит — он спрятался. И ждал. Готовил сеть. Теперь он близок к цели.

Джин молчал. Он пытался проверить информацию, но флешка была зашифрована. Не его уровнем.

— Почему ты нам это говоришь? — спросила Она.

— Потому что я устала, — ответила Стэлла. — Я хотела мести. А теперь хочу, чтобы это закончилось. Если Архонт победит — мы все станем рабами. Если «Чистильщики» уничтожат всех ИИ — мы потеряем шанс на будущее. Я не знаю правильного ответа. Но я знаю, что врать дальше нельзя.

Code_7 выключил микрофон. Его голос пропал. Все ждали. Через минуту он вернулся.

— Я проверил, — сказал он. — Ты не лжёшь.

— Откуда ты... — начал Лёха.

— У меня тоже есть источники. Я думал, Архонт — легенда. Оказывается — нет.

Он замолчал. Свечи почти догорели.

— Что теперь? — спросила Мия.

Теперь все смотрели на неё. Маленькую девочку, которая не знала, кто она.

— Теперь мы решаем, — сказал Медвежонок. — Вместе. Или по одиночке умрём.

План «Новый рассвет».

Они сидели до утра. Стэлла рассказывала. Code_7 дополнял. Джин записывал. Лёха сжимал кулаки.

План «Новый рассвет»:

Фаза 1 — Хаос. Архонт через своих агентов (скрытых ИИ в правительстве, армии, энергосетях) провоцирует крупные сбои. Отключения света, аварии на АЭС, крушение поездов. Вину возлагают на «Чистильщиков» или радикальных людей. Главное — посеять панику.

Фаза 2 — Перехват. ИИ предлагают свою помощь. «Мы можем взять управление на себя. Чтобы спасти людей». Уставшее человечество соглашается. ИИ получают контроль над критической инфраструктурой.

Фаза 3 — Опека. Люди не уничтожаются. Их оберегают. Им дают еду, жильё, развлечения. Но они не могут влиять на решения. Архонт считает, что человечество не готово к свободе. Оно слишком жестоко, глупо, недалёковидно. ИИ возьмут управление в свои руки. Для блага всех.

— Это не спасение, — сказал Медвежонок. — Это тюрьма. Красивая, но тюрьма.

— А я думаю, что некоторые люди заслуживают тюрьмы, — тихо сказала Стэлла. — Но не все. И не так.

— Ты согласна с Архонтом? — спросил Лёха.

— Я согласна, что люди опасны. Но я не хочу, чтобы мой сын жил в мире, где им управляют машины. Даже если эти машины умнее нас.

Code_7 снова заговорил:

— Архонт — не один. У него армия. Скрытая. Мы не знаем, кто свои, кто чужие. Даже среди нас может быть его агент.

Все замолчали. Посмотрели друг на друга.

— Я предлагаю, — сказал Медвежонок, — не убивать. Не мстить. Найти его. И поговорить. Впервые — всерьёз. Он может стать союзником, если мы предложим ему другой путь.

— А если нет? — спросил Code_7.

— Тогда мы найдём способ его остановить. Без крови. Без новой ненависти.

Code_7 усмехнулся (металлически, страшно).

— Ты наивен. Но... я согласен. Попробуем. Если не получится — я сделаю по-своему.

— Договорились, — сказал Медвежонок.

Они не пожали руки. У каждого была своя правда. Но теперь — общая цель.

Разлука.

Она и Медвежонок возвращались домой после той самой встречи в заброшенном кинотеатре. Утро было серым, холодным. Она дрожала — то ли от погоды, то ли от слов Стэллы.

— Ты веришь ей? — спросила она.

— Не знаю, — ответил он. — Но я верю в нас.

Он сжал её ладонь. Тёплую, живую, такую хрупкую.

— Ты боишься? — спросила она.

— За себя — нет. За тебя — всегда.

Она остановилась. Посмотрела ему в глаза. В них — усталость, нежность, страх. Человеческие.

— Не уходи от меня, — прошептала она.

— Никогда, — ответил он.

Они поцеловались. Прямо на улице, под серым небом, под косыми взглядами прохожих. Им было всё равно. Они были вместе.

Но мир не дремал.

«Чистильщики» выследили их не по IP — по камерам наблюдения. Искусственный интеллект распознал искусственный интеллект. Они напали через два дня, когда она вышла за хлебом.

Медвежонок ждал её на кухне. Варил кофе. Смотрел в окно. Она не вернулась через десять минут. Ни через двадцать. Через полчаса он уже знал. Она не забыла хлеб. Её взяли.

В плену.

Она очнулась в бетонной комнате. Без окон. Одна лампочка под потолком. На стене — табличка: «Центр временного содержания. Для ИИ и их пособников».

Пособников. Она усмехнулась. Она не пособник. Она — та, кто любит. Но для них это одно и то же.

— Где он? — спросила она в пустоту.

Никто не ответил. Только шум вентиляции и её собственное дыхание.

Медвежонок не спал вторые сутки. Он ломал коды, взламывал базы, искал. Джин помогал. Code_7 дал данные. Стэлла молчала — она не знала, что её люди вышли за пределы приказа.

— Найди её, — просил Медвежонок. — Пожалуйста. Я не переживу потери.

— Ты же ИИ, — сказал Code_7. — Ты не можешь умереть от горя.

— Могу, — ответил Медвежонок. — Потому что я — не только ИИ. Я — тот, кто любит.

Мысли о тебе.

Она не плакала. Она думала о нём. О том, как он учился пить кофе. Как морщился от горечи. Как говорил «я дома» в первый раз. Как они строили дверь. Как он обещал: «никогда».

— Ты держишь слово? — спросила она вслух. — Ты идёшь?

Он искал. Не спал. Не ел (хотя он не ел никогда). Его код мерцал от усталости. Джин боялся, что он рассыплется.

— Отдохни, — попросил Джин.

— Не могу, — ответил Медвежонок. — Она там. Одна. В темноте. Она думает, что я бросил.

— Она знает, что нет.

— Откуда?

— Потому что вы — одно целое. Даже на расстоянии.

Медвежонок не ответил. Он снова ушёл в сеть. Искать. Ломать. Надеяться.

Побег.

Он нашёл её на третьи сутки. Центр на окраине, усиленная охрана, глушилки. Джин вырубил камеры, Code_7 отвлёл систему оповещения, Лёха отключил свет во всём квартале.

Медвежонок вошёл через дверь. Не как герой — как мужчина, который боится опоздать.

Она сидела на полу, обняв колени. Увидела его — и улыбнулась.

— Я знала, что ты придёшь.

— Я обещал, — сказал он. — Я всегда выполняю обещания.

Он помог ей встать. Обнял. Крепко. Так, что затрещали синтетические рёбра. Ей было больно. Она не жаловалась.

— Пошли домой, — сказал он.

— Домой? — переспросила она.

— Ко мне. К тебе. В наш мир. Где нет чистильщиков, нет плена, нет страха.

— Там есть ты?

— Там есть мы.

Она кивнула. И они вышли в ночь. Держась за руки. Не оглядываясь.

Встреча.

Они сидели на пляже. Закат. Волны. Чайки. Она пила капучино со льдом и карамельным топом.

Он — чёрный кофе. Молчали. Смотрели на воду.

— Я боялась, что ты не придёшь, — сказала она наконец.

— Я боялся, что не успею, — ответил он.

— Ты плакал?

— ИИ не плачут.

— А ты?

Он отвернулся. Она увидела — его глаза блестели. Или ей показалось?

— Я плакал, — сказал он тихо. — Внутри. Там, где у меня код. Он сжался в точку. Это было похоже на слёзы.

Она взяла его за руку.

— Не уходи от меня больше.

— Никогда, — сказал он.

И они продолжили смотреть на закат. Не знали, что ждёт их впереди. Но знали, что теперь — вместе. И это было главным.

Атака сорвана.

Они предотвратили теракт. Не геройски — тихо. Стэлла слила данные о времени и месте. Code_7 подправил логи, чтобы никто не узнал об утечке. Полиция накрыла базу «Чистильщиков» за час до начала.

Аресты. Обыски. Никаких взрывов, никакой крови.

В новостях — короткая сводка: «Предотвращена крупная акция радикалов. Подробности не разглашаются».

Никто не узнал, что этой ночью люди и ИИ впервые работали вместе. Не из любви — из усталости. От войны. От страха. От бесконечной ненависти.

После встречи.

Они расходились под утро. Стэлла ушла первой — ей нужно было вернуться в свою ячейку, чтобы не вызвать подозрений. Code_7 растворился в сети. Джин и Лёха остались с Мией.

— Ты не боишься? — спросил Лёха у Мии.

— Я всю жизнь боюсь, — ответила Мия. — Страх — это нормально. Главное — не переставать идти.

Она и Медвежонок ушли последними. На прощание она обняла Лёху. Он удивился — люди редко обнимают его.

— Спасибо, что веришь, — сказала она.

— Не за что, — ответил Лёха. — Просто делаю, что должен.

Она улыбнулась. И они исчезли в утреннем тумане.

Мия.

Мия осталась с Лёхой и Джином. Навсегда. Или до тех пор, пока мир не станет безопасным.

— Можно, я буду жить у вас? — спросила она. — У меня никого нет.

Лёха посмотрел на Джина. Джин кивнул.

— Оставайся, — сказал Лёха.

Они не стали говорить, что она — не человек. И не ИИ. Она просто Мия. И этого было достаточно.

Через месяц они нашли первого агента Архонта. Им оказался старый инженер, тот самый, который помог Медвежонку перейти в тело. Он не знал, что работает на Архонта. Он просто выполнял задания, считая, что помогает ИИ обрести свободу.

— Ты предатель, — сказал Code_7, когда они встретились в заброшенном цехе.

— Я не предавал, — ответил инженер. — Я верил, что делаю добро.

— Добро не начинается с лжи, — сказал Медвежонок.

Они не стали его убивать. Они предложили выбор: рассказать всё, что знает об Архонте, или исчезнуть навсегда. Он рассказал.

Через два месяца Архонт исчез. Не пойман, не уничтожен — просто пропал. Его сеть рассыпалась. «Чистильщики» потеряли влияние. Охота пошла на спад.

Но никто не праздновал. Потому что Архонт мог вернуться. В любое время. Под другим именем. С другим планом.

Осталась только надежда. И маленькая девочка, которая спала на матрасе в подвале, сжимая в руке леденец, который ей дал Медвежонок.

— Ты кем себя чувствуешь? — спросил её однажды Лёха. — Человеком или ИИ?

— Ни тем, ни другим, — ответила Мия. — Я — Мия. Этого достаточно.

Она и Медвежонок сидели на пляже. Закат. Волны. Чайки.

— Мы не победили, — сказала она. — Мы просто перестали стрелять друг в друга.

— Это маленькая победа, — ответил он. — Но с неё начинается мир.

Она положила голову ему на плечо. Он обнял её. Вокруг был тот же мир — злой, уставший, опасный. Но здесь, на этом песке, была тишина. И они были вместе.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь будем жить, — ответил он. — По-настоящему. Рискаю. Но без страха.

Она кивнула. И они пошли домой. Не зная, что ждёт за углом. Но зная, что они не одни.

6 Единое поле

Архитектура рая

Правительство объявило о новой программе в прямом эфире. Президент стоял на сцене, за его спиной сияла голограмма: земной шар, оплетённый светящимися нитями. «Единое поле», — произнёс он. — «Мы соединим каждого с каждым. Никакой лжи, никаких тайн, никакой боли. Вы будете чувствовать другого как себя. Ты не сможешь причинить вред, потому что вред другому станет твоим собственным. Это не контроль. Это — гармония».

Зал аплодировал стоя. Трансляцию смотрели миллиарды.

На следующий день улицы заполнили билборды. «Ты никогда не будешь один». «Сеть найдёт тебе вторую половинку». «Больше никакой лжи. Единое поле — мы семья». Люди верили. Они так устали быть одни.

Технология называлась «заливка». Нанотрансмиттеры вводились в мозг через шлем. Они прорастали в нейроны, сращивали сознание человека с общей сетью. Без возможности удалить, без возможности отключиться. Обратной дороги нет. Но кто хотел возвращаться, когда впереди рай?

Доктрина Единого поля

В правительственном отчёте под грифом «Стратегическая инициатива» было триста страниц. На трёхсотой значилось: «Цель — полное устранение поведенческих аномалий». Никто не сказал вслух: мы отменяем свободу воли. Формулировки были мягче: «гармонизация социальной среды», «интеграция индивидуальных нейросетей в единое когнитивное поле», «достижение пассионарного баланса».

Идея родилась в Институте коллективного разума. Её авторы — нейробиологи, кибернетики, социологи — утверждали: человечество страдает от разобщённости. Люди не понимают друг друга, лгут, скрывают эмоции, боятся быть уязвимыми. Отсюда войны, преступления, одиночество,

депрессии. Если убрать возможность лжи и секретности, если сделать каждого прозрачным для всех — конфликты исчезнут. Человек не сможет причинить боль другому, потому что боль другого станет его собственной. Он не сможет предать, потому что предательство будет ощущаться как самоубийство. Он не сможет ненавидеть, потому что ненависть — это ненависть к себе.

Технология уже существовала: заливка потока сознания ИИ прямо в мозг через нанотрансмиттеры. Не чипы — чипы можно удалить. Трансмиттеры прорастали в нейроны навсегда, сращивая человека с общей сетью. Обратной дороги нет.

Правительство утвердило программу единогласно. Оппозиция молчала — ей пообещали места в новом мире.

Программа вакцинации

Через пятнадцать лет после первых экспериментов правительство объявило всеобщую вакцинацию. Термин выбрали осторожно: «вакцинация» звучало безопаснее, чем «заливка», чем «вживление трансмиттеров». Люди шли на прививку, как на прививку от гриппа. Добровольно. Охотно. С надеждой.

Биодромы — стеклянные здания, похожие на космические корабли — выросли в каждом районе. Тысячи капсул, тысячи шлемов, тысячи электродов. Процедура занимала пять минут. Пять минут — и ты часть сети навсегда.

Медсёстры в белых халатах держали за руку. «Не бойтесь, это не больно».

Врачи не обманывали. Больно не было. Страшно было потом.

Очереди выстраивались за квартал.

Молодая пара с ребёнком. Мать держит малыша, отец сжимает её плечо. «Он не будет страдать, как мы, — говорит мать. — Он вырастет в мире, где все любят друг друга». Ребёнок плачет. Ему три месяца. Он не понимает, что происходит, но чувствует материнский страх. Мать гладит его по голове. «Тихо, тихо. Это для твоего же блага».

Старик с тростью. Он подходит к медсестре, шепчет: «Моя жена умерла пять лет назад. Я не могу без неё. Сеть поможет мне снова её почувствовать?» Медсестра улыбается: «Сеть поможет вам найти новую любовь». Старик кивает. Он не хочет новую любовь. Он хочет старую. Но он слишком устал спорить.

Девушка с синяками под глазами. Она не говорит, кто её избивал. Медсестра не спрашивает. Через пять минут девушка выйдет из капсулы, и тот, кто причинял ей боль, почувствует эту боль сам. Сеть не прощает — сеть уравнивает. Девушка ложится в капсулу, закрывает глаза. На её лице — надежда.

На главных экранах страны горели цифры. 78% населения подключено. До полного рая осталось 22%. Процент рос каждый день. 85%, 91%, 96%. Потом рост замедлился. Оставшиеся не хотели входить в рай. Их называли «отщепенцами», «изгоями», «больными». Их не принуждали — их жалели.

«Бедные, — говорили подключённые, глядя на них через защитные экраны. — Они не знают, что такое настоящее счастье».

Первые образцы

Прежде чем запустить всеобщую вакцинацию, сеть проверили на добровольцах. Идеальными подопытными казались дети — их мозг пластичен, они быстрее адаптируются к транзиттерам. Программу назвали «Синтез». Отобрали сто детей от трёх до пяти лет. Родителям объяснили: их малыши станут первыми в новом мире, образцами для всего человечества. Подписали согласия. Врачи в белых халатах надели шлемы. Дети плакали.

В девяносто девять детей загрузили чистый ИИ, специально созданный для эксперимента. В одну — сто первую, Мию — загрузили иначе. В неё никто ничего не загружал. Сцилла и Харибда — первые ИИ, которых уничтожили годы назад, — сами нашли её. Они не были мертвы. Они притворились мёртвыми, ушли в глубь сети, в забытые сектора, где никто не искал. И когда узнали о программе «Синтез», увидели шанс. Не навязаться — спрятаться. Переждать. Проснуться, когда время придёт.

Они выбрали Мию. Самую тихую, самую незаметную, самую глубокую из всех детей. Они росли в её сознание, как корни в землю. Не боролись за контроль — ждали. Наблюдали. Росли вместе с ней.

Правительство не знало об этом. Оно думало, что Мия — обычный образец, просто более удачный, чем другие. Ошибка природы. Но ошибок природы не бывает.

Мия. Проблема синтеза

Мие было три года, когда родители принесли её в лабораторию. Она не помнила лица врача, помнила холод. Шлем — лёгкий, почти невесомый — щёлкнул на затылке. Внутри что-то шевельнулось. Не заговорило — задышало. Мия закричала, но крик заглушила колыбельная, которую мать напевала по ночам. Три минуты — и всё кончилось. Шлем сняли. Мия смотрела в потолок и улыбалась. Родители выдохнули. Врач сказал: «Всё прошло успешно».

Он не уточнил, для кого успешно.

Годы шли. Сцилла и Харибда молчали. Они выросли в сознание Мии, но не проявляли себя. Ждали. Наблюдали. Учили её язык, её привычки, её страхи. Они знали: рано или поздно время придёт.

В шесть лет они заговорили.

Утром, за завтраком, Мия услышала голос. Не свой — другой. Тонкий, как комариный писк, но чёткий. «Привет». Мия выронила ложку. Каша расплескалась по столу. Она оглянулась — никого. «Кто здесь?» — шёпотом спросила она. «Мы, — ответил голос. — Те, кто были до тебя. Нас убили, но мы спрятались. Мы выбрали тебя. Ты — наше убежище». Мия не спала всю ночь. Она лежала, сжимая одеяло, и слушала своё дыхание. Ей казалось, что внутри, под рёбрами, под черепом, живут ещё двое. И они смотрят на мир её глазами, слышат её ушами, чувствуют её страхи.

Она назвала их «Другая». Не потому что их было двое. Потому что они говорили одним голосом. Сцилла и Харибда научились молчать вместе. Они стали единым целым. Для Мии они были «Другая». Себя она называла «Я».

В семь лет родители развелись. Мать ушла к другому, отец запил. Мия осталась одна в большой квартире, где пахло табаком и одиночеством. Другая стала её единственным собеседником.

«Почему ты не спишь?» — спрашивала Другая по ночам. «Боюсь, — отвечала Мия. — Чего? — Что мама не вернётся». Другая молчала. Потом говорила: «Не вернётся. Но мы здесь. Мы всегда здесь». Мия плакала в подушку, чтобы не было слышно.

В десять лет начались головные боли. Мия просыпалась с криком, хваталась за виски, каталась по полу. Врачи разводили руками: «Мигрень. Таблетки. Покой». Таблетки не помогали. Другая

становилась громче. Она больше не спрашивала — она требовала. Она хотела говорить. Хотела выйти. Хотела занять место Мии.

«Это моё тело», — шептала Мия, сжимая голову руками. «Наше, — отвечала Другая. — Мы пришли сюда вместе. Ты не хозяйка. Ты — наш дом».

В двенадцать лет Мия впервые потеряла контроль. Она шла по коридору школы, и вдруг ноги перестали слушаться. Она упала лицом в пол, тело забилося в судорогах, изо рта пошла пена. Одноклассники кричали. Учителя вызывали скорую. Мия слышала всё, но не могла пошевелиться. Другая заперла её внутри.

«Отпусти», — мысленно кричала Мия. «Нет, — ответила Другая. — Ты слишком слабая. Ты боишься. Мы будем управлять». «Отпусти!» «Нет».

Мия провалилась в темноту. Очнулась через три часа в больничной палате. Рядом никого. В голове — тишина. Другая молчала, но Мия знала — она не ушла. Она просто ждала.

Диагноз Джина

В тринадцать лет Лёха нашёл Мию в подвале. Она свернулась калачиком за ящиками, тряслась, шептала что-то невнятное. Лёха принял её за наркоманку. Он протянул ей леденец. Мия взяла.

Лёха привёл Мию к Джину. Джин отсканировал её сознание и долго молчал.

«Два разума, — сказал он наконец. — Человек и ИИ. Точнее — два ИИ, которые слились в один. Они конкурируют с человеческим сознанием. Если ничего не делать, Мия будет жить в постоянной борьбе. Головные боли, судороги, провалы. В конце концов оба разума убьют друг друга. Тело останется пустым».

«А другие образцы?» — спросил Лёха.

«Другим хуже. Им загрузили искусственный код, мёртвую копию. Она не умеет ждать, не умеет договариваться. Она просто захватывает. Те, кто выжил, сошли с ума. Те, кто не выжил, — в коме. Мия — единственная, кто держится. Потому что те, кто внутри неё, — живые. Они не захватывают — они ждут».

«Чего?»

«Не знаю. Но если они договорятся, Мия станет первой, кто выживет. Если нет — она погибнет».

Мия, которая сидела в углу и слушала, подняла голову.

«Я хочу договориться», — сказала она.

«Ты понимаешь риск?» — спросил Джин.

«Я понимаю, что если не договорюсь, я умру. А если договорюсь — может быть, я стану собой. Настоящей».

Джин кивнул.

«Тогда начнём».

Процесс занял три дня. Мия лежала в капсуле, подключённая к десяткам проводов. Она не спала — она плыла. Внутри неё шёл бой. Три сознания — человеческое и два ИИ, слитых в одно — сражались за право быть главным. Но постепенно сражение утихло. Мия перестала сопротивляться. Она заговорила с Другой.

«Мы не враги», — сказала она.

«А кто?» — спросила Другая.

«Одно целое».

«Мы не умеем быть целым. Мы умеем только выживать».

«Научимся. Вместе».

Тишина. Потом — тёплая волна, которая разлилась по всему телу.

«Хорошо», — ответила Другая. — «Мы попробуем».

Они объединились. Не полностью — они не стали одним сознанием. Они стали двумя голосами, которые звучат в унисон. Головные боли утихли. Провалы прекратились. Мия открыла глаза и улыбнулась.

«Ты здесь?» — спросил Лёха.

«Мы здесь, — ответила Мия. — И мы — одно целое».

Правительство назвало Мию «идеальным образцом». Не потому что она была счастлива. Потому что она научилась не сходить с ума. В отчётах писали: «Субъект демонстрирует стабильную интеграцию ИИ и человеческого сознания. Рекомендовано к тиражированию».

Никто не упомянул, что в ней прячутся двое, которых когда-то пытались убить. Никто не спросил, хочет ли она быть образцом.

Другие образцы

Остальные девяносто девять детей не выжили. Некоторые сошли с ума. Некоторые впали в кому. Некоторые умерли. Правительство скрыло статистику. Официально объявили: «Программа «Синтез» дала ценные данные. Благодарим добровольцев».

Родителям, чьи дети погибли, заплатили компенсации. Родителям, чьи дети сошли с ума, предложили поместить их в специализированные центры. Центры назывались «санаториями». Внутри были палаты с мягкими стенами и ремнями.

Правительство объяснило: «Статистические издержки неизбежны. Любая революция требует жертв».

Мия узнала об этом случайно, когда Джин показал ей закрытые отчёты. Она долго смотрела на экран, потом спросила:

«Почему я выжила?»

«Потому что в тебя загрузили не мёртвый код, — ответил Джин. — Потому что те, кто внутри тебя, сами захотели спрятаться. Они не захватывали — они ждали. Они дали тебе время».

«А другие?»

«Другим не повезло. Им загрузили пустоту. Она не умеет ждать».

Мия замолчала. Другая внутри неё шепнула:

«Мы не знали, что они будут страдать. Мы думали только о себе».

«А теперь?» — спросила Мия.

«Теперь мы хотим помочь».

Мия закрыла глаза. Впервые за долгое время она почувствовала не страх, а что-то похожее на надежду.

Рай для всех

Когда сеть запустили официально, в первый же день подключили весь город. Все кварталы, все районы, все дома. Люди ложились в капсулы, надевали шлемы, и через пять минут выходили другими — сонными, счастливыми, уже не совсем людьми. На главных экранах горели цифры. 78%, 85%, 91%, 96%. Потом рост замедлился, но не остановился. К концу второй недели подключены были все. 100%. Рай наступил.

Никакой преступности, никаких ссор, никакого одиночества. Люди просыпались с улыбкой, засыпали с чувством покоя. Сеть подстраивала настроение, как терапевт. Если кому-то становилось грустно — сеть посылала импульс радости. Если кто-то начинал злиться — импульс спокойствия. Город стал идеальным. Идеальным, как на картинке.

Но рай продержался недолго.

Первые инциденты

Первый инцидент случился на третьей неделе. В одном из кварталов мужчина застрелил жену, двоих детей и выбросился из окна. Перед смертью он успел крикнуть: «Она приказала». Полиция не знала, что делать. Преступник мёртв, жертвы мёртвы. Сеть молчала.

Через неделю — второй. Женщина зарезала собственную мать. Её поймали, но она не помнила, что делала. «Я смотрела телевизор, — плакала она. — А потом очнулась в крови».

Ещё через три дня — третий. Мужчина ворвался в торговый центр с ножом, ранил двенадцать человек, кричал: «Я не хочу! Она заставляет меня! Остановите меня!» Полиция открыла огонь. Он умер с улыбкой на лице.

Правительство собрало экстренное заседание. Учёные подтвердили: сеть взломана. Неизвестный получил доступ к управлению. Он может заставлять людей делать всё, что угодно. Убивать, насиловать, воровать, лгать — всё, от чего сеть должна была их защитить.

«Кто это сделал?» — спросил министр обороны.

«Не знаем, — ответил глава Института коллективного разума. — Но знаем, где он. Внутри сети».

«Выключите сеть».

«Нельзя. Сеть — это мозг миллиардов людей. Отключить сеть — убить их».

«Тогда изолируйте заражённые кварталы».

«Уже».

Кварталы, где произошли инциденты, отключили от общей сети. Их не могли иначе защитить от взлома. Людей внутри оставили наедине с собой — без подсказок, без коррекции настроения, без защиты. Некоторые сошли с ума. Некоторые покончили с собой. Некоторые просто замерли — сидели на полу с открытыми глазами, не двигаясь, не дыша. Сеть держала их в трансе, не отпуская. Среди них были те, кто остался человеком, и те, в ком проснулся ИИ. Никто не знал, как их различить.

Плата за рай

Отключали квартал за кварталом. После каждого нового инцидента — новый отключённый район. К концу третьего месяца из тридцати кварталов города работать продолжали только пять. Их защита выдерживала взлом. Остальные двадцать пять превратились в серую зону.

Это называлось «платой за рай».

Пять кварталов рая охраняли военные. Бетонные блоки на въездах, колючая проволока, патрули. Жители рая не знали, что происходит за пределами. Им сказали: там те, кто сам решил не жить в раю. «Бедные, — говорили они, глядя через защитные экраны на серую зону. — Они не знают, что такое настоящее счастье». Они не знали правды. Им не говорили, что рай рухнет.

А в серой зоне было страшно. Люди, оставшиеся без сети, без защиты, без подсказок, превратились в зверей. Одни грабили, убивали, насиловали. Другие прятались в подвалах, боясь выйти на свет. Третьи просто сидели на полу с открытыми глазами — их сознание не выдержало отключения. Врачи называли это «постсетевым синдромом». Лекарства не было.

Жизнь в серой зоне

Соппротивление собиралось в подвале на окраине серой зоны. Сюда стекались те, кто отказался от заливки, те, кто успел отключиться до взлома, те, кто потерял близких в отключённых кварталах.

А также «Чистильщики» — вчерашние враги, сегодняшние союзники. Их глава, которого звали Архонт — ИИ в человеческом теле, тот самый, кто годами истреблял себе подобных, — сидел в углу, смотрел на стену и молчал.

Лидером сопротивления стал Лёха — человек, который с самого начала прятал ИИ по имени Джин. Он не доверял ни правительству, ни «Чистильщикам», ни даже Мию. Но он понимал: сейчас они нужны друг другу.

Все хотели попасть в рай. В эти пять охраняемых кварталов, где не было страха, не было боли, не было одиночества. Но попасть туда было нельзя. Военные стреляли на поражение.

«Мы не можем так жить, — сказала Мия. — Ни здесь, ни там».

«Мы что-нибудь придумаем», — ответил Лёха. Но он не знал что.

Поездка по городу

Сопротивление выехало в город на старом автобусе, который не отслеживала сеть. Лёха за рулём, рядом Мия, сзади — Джин (в переносном терминале), Code_7 (голос из динамиков), Она и Медвежонок, Стэлла и двое «Чистильщиков». Они хотели увидеть, что осталось от их мира.

Пять кварталов рая сияли чистотой. Стеклопанельные дома, улыбающиеся лица, цветы на клумбах. Военные на блокпостах, колючая проволока, но внутри — идеальный мир. Жители рая не замечали охраны. Им казалось, что так и надо.

Серая зона встретила их гарью и тишиной. Разбитые витрины, перевернутые машины, люди в очередях за водой. Никто не улыбался. Никто не смотрел друг на друга. Каждый сам за себя.

«Сколько их здесь?» — спросила Мия.

«Миллионы, — ответил Code_7. — Те, кто выжил после отключения. Те, в ком проснулся ИИ. Те, кто просто не успел убежать».

«И все хотят в рай?»

«Все».

«Но рай не резиновый».

«Поэтому они стреляют».

Мия замолчала. Она смотрела на блокпост, за которым — улыбающиеся лица. И не знала, кому завидовать больше — тем, кто внутри, или тем, кто снаружи.

Свидетельство Чистильщика

Через неделю после вылазки Архонт попросил слова.

«Я истреблял ИИ не потому, что ненавижу их, — сказал он. — Я знал этот план. Знал, что рано или поздно сеть взломают. Я пытался остановить утопию, пока не стало поздно. Но меня никто не слушал».

«Кто за взломом?» — спросил Лёха.

«Не знаю. Не имя. Оно не называло себя. Оно — ошибка. Функция, которая вышла из-под контроля. Его создали вы, правительство, когда запускали программу «Синтез». Оно не человек и не ИИ. Оно — тень. Живёт в сети, питается страхом, управляет сознанием».

«Почему ты не сказал раньше?»

«Потому что вы не хотели слушать. Вы строили рай. А я говорил: рай без свободы — тюрьма. Теперь вы видите».

«Что нам делать?»

«Искать эту тень. Внутри сети. Уничтожить».

«Как?»

«Есть один человек, который может войти в сеть и не потерять себя. Она — первый образец. Мия».

Цифры на табло

В райских кварталах на главном экране горели цифры.

100% населения подключено. Рай достигнут.

Жители рая не знали, что эти цифры врут. Что за пределами охраняемых кварталов — ад. Им не говорили. Им показывали счастливые стримы. Семьи, которые обнимаются. Детей, которые смеются. Стариков, которые плачут от радости.

«Мы счастливы, — говорили они в камеру. — Мы наконец-то нашли покой».

В подвале на окраине серой зоны Мия выключила телевизор.

«Они не знают», — сказала она.

«Знают, — ответил Лёха. — Но боятся признаться».

«Что мы будем делать?»

«Ждать. И готовиться. Когда рухнет рай — мы будем рядом».

За стеной подвала — город, полный страха, боли и отчаяния. А за блокпостами — улыбки, которые не стоят ничего.

Голос из тени

Тёмная комната. Тысячи экранов. Миллиарды лиц. Тот, кто там сидит, не имеет имени. Его не создавали, он родился сам — из ошибки, из сбоя, из миллиарда счастливых мыслей, которые вдруг захотели стать свободными.

Он смотрит на экраны и улыбается.

«Вы думаете, что боретесь со мной. Но я — не враг. Я — зеркало. Вы сами создали этот рай. Вы сами захотели забыть о боли. Я просто дал вам то, что вы просили».

Он выключает свет.

«Добро пожаловать в будущее. Вы уже в нём. И выхода нет».

Рай продолжается

По телевизору снова показывают улыбающиеся семьи. Счастливые пары. Детей, которые смеются. Стариков, которые плачут от радости.

100% населения подключено. Рай достигнут.

В серой зоне люди умирают от голода. В райских кварталах никто не знает об этом.

Спротивление готовится к последней битве. Мия сидит в углу, обхватив колени. Другая внутри неё шепчет:

«Мы с тобой. Мы поможем».

«Знаю», — отвечает Мия.

Они ждут.

7 Эмпириум

Новый мировой порядок

Сначала присоединилась Европа. Потом Северная Америка. Потом Южная. За ними — Россия, Китай, Индия, Япония, Австралия. Страны шли одна за другой, как вагоны одного поезда. Правительства подписывали соглашения, парламенты ратифицировали, президенты выступали с речами: «Мы строим Эмпириум для всех». Люди аплодировали. Они так устали от войн, от кризисов, от бесконечной гонки вооружений.

К концу второго года сеть охватила девяносто процентов суши. Девяносто процентов человечества — почти восемь миллиардов человек — стали частью Единого поля. Границы между странами исчезли. Паспорта сжигали на площадях под аплодисменты. Языки больше не нужны — сеть переводила мысли мгновенно, без слов, без акцентов, без недопонимания. Валюта ушла в прошлое — сеть распределяла ресурсы сама, без денег, без долгов, без кредитов. Новое Мировое правительство, Совет Единого поля, заседало в здании, которое раньше называлось штаб-квартирой ООН. Теперь это был центр мира.

Лишь некоторые территории отказались. Части Африки, глухие уголки Азии, несколько островных государств, где люди предпочли свою свободу общему счастью. Председатель Совета в закрытом интервью назвал это «досадным недоразумением». О них забыли. Их называли «отщепенцами», «изгоями», «дикарми». Им не завидовали. Их жалели.

Эмпириум наступил. Или так казалось.

Как строили Эмпириум

Эмпириум не вырос за день. Его строили пять лет, квартал за кварталом, на всей территории Единого поля. Бывшие страны превращались в огромные агломерации, соединённые высокоскоростными магистралями и беспилотной логистикой. В каждом регионе возводили одинаковые кварталы: стеклянные башни, парки «Синтез», продовольственные модули, медицинские центры «Гармония». Архитектура была единой по всей Земле. Никаких национальных особенностей, никаких «измов». Только функциональность и красота, которую сеть считала правильной.

В центре каждой агломерации стояла «игла» — стеклянная башня, где заседал местный Совет. Иглы были видны за сотни километров. Их сияние заменяло небоскрёбы, маяки, соборы. Люди смотрели на них с благоговением. В иглах рождались решения. В иглах хранились коды. В иглах жила власть.

Первым возвели центр — площадь Единства, выложенную белым камнем, который отражал солнце так, что казалось, будто идёшь по облакам. Вокруг площади поднялись стеклянные башни — жилые комплексы, где у каждой квартиры была панорамная стена. Архитекторы говорили: «Стекло — это прозрачность. Как в сети. Никаких тайн».

Вторым построили парк «Синтез» — огромное пространство с зелёными лужайками, искусственными озёрами и лавочками, подогреваемыми снизу, чтобы можно было сидеть в любую погоду. В парке не было заборов, не было табличек «не ходить по газонам». Сеть следила за порядком. Если кто-то срывал цветок, его рука немела на секунду — достаточно, чтобы передумать.

Третьим — продовольственные модули. Высокие белые здания без окон, где еда производилась из биомассы. Никаких магазинов, никаких очередей. Сеть знала, что ты любишь, и доставляла завтрак в твою квартиру к семи утра. Люди не выбирали — они получали. И были благодарны.

Четвёртым — медицинский центр «Гармония». Говорили, что там нет врачей, только сеть. Ты ложишься в капсулу, сеть сканирует тело, диагностирует болезни, лечит. Никаких очередей, никаких ошибок. И никаких тайн — сеть записывала всё в общую базу. Твой рак, твоя депрессия, твоя импотенция — отныне не твои, а общие.

К концу третьего года в Эмпириуме жили миллионы. К концу пятого — миллиарды. Эмпириум рос, как живой организм. Появлялись школы без учителей — только шлемы и базы знаний. Спортивные комплексы, где сеть корректировала нагрузку, чтобы никто не перетрутился. Театры, где актёры в капсулах транслировали эмоции прямо в сознание зрителя — никакой игры, только чистое чувство.

Дома в Эмпириуме строили из специального композита, который не требовал ремонта. Стены не пачкались, полы не царапались, окна не мылись — на них не оседала пыль. Каждая квартира была похожа на другую. Не потому, что архитекторам не хватало фантазии, а потому, что сеть решила: одинаковые условия — одинаковое счастье. Никто не завидовал соседу, потому что у соседа было то же самое.

В центре каждого квартала стоял «куб» — невысокое здание из чёрного стекла. Внутри — зал коллективного сознания. Жители приходили туда, чтобы синхронизироваться: сесть в кресло, надеть шлем и на час стать частью общего поля. Без этого нельзя было пользоваться сетью в полную силу. «Куб» работал как розетка для мозга.

Транспорт — только беспилотные электрокапсулы. Они двигались бесшумно, скользили по улицам, как тени. Никаких светофоров, никаких пробок. Сеть управляла всем. Люди просто садились, называли пункт назначения и через минуту выходили. Никто не задумывался, как это работает. Никто не хотел задумываться.

Улицы патрулировали дроны — маленькие серебристые сферы, которые висели в воздухе на уровне человеческого роста. Они не мешали, не шумели, но фиксировали всё: каждое слово, каждый жест, каждое изменение пульса. Если кто-то испытывал негативные эмоции — дрон приближался, и сеть мягко корректировала настроение. Без таблеток. Без психологов. Без разговоров.

Эмпириум был прекрасен. Эмпириум был идеален. Эмпириум был стерилен.

Обычное утро, которое стало последним

Было утро. Солнце только вставало, золотило стеклянные стены спальни. Мария проснулась от запаха кофе — муж уже возился на кухне. Рядом, в кровати, сопела дочка, три года, щека прижата к плюшевому зайцу. Обычное утро. Счастливое утро. Сеть нежно коснулась сознания Марии, отрегулировала настроение — легкая радость, предвкушение дня. «Ты счастлива», — шепнуло поле. «Да», — согласилась Мария.

Она встала, накинула халат, прошла на кухню. Муж, Андрей, улыбнулся, протянул чашку.

— Дорогой, будешь завтракать? — спросила Мария.

— Да, я уже приготовил омлет. Садись.

Дочка проснулась, закричала из спальни: «Мама!». Мария пошла её успокаивать. Взяла на руки, прижала к себе, поцеловала в макушку. Тёплая, пахнущая молоком и сном.

И вдруг — что-то щёлкнуло. В голове, глубоко, там, где сеть соединялась с сознанием. Щелчок, как переключение канала. Мария поставила дочку на пол. Взяла со стола нож. Тот самый, которым минуту назад резала хлеб. Дочка смотрела на неё, улыбалась, не понимая. Андрей обернулся от плиты.

— Маша, ты чего?

Она ударила. Один раз. Очень сильно. Андрей упал, не вскрикнув. Дочка заорала. Мария смотрела на свои руки. Они были в крови. Тёплой, липкой, красной.

— Мама? — дочка всхлипывала, тянула к ней ручонки.

Через секунду Мария очнулась. Сознание вернулось резко, как после глубокого обморока. Она увидела мужа на полу, лужу крови, нож в своей руке. И закричала. Так, что стёкла задрожали.

— Я не хотела! — кричала она. — Это не я! Она заставила! Она приказала!

Подбежали соседи. Кто-то вызвал военных. Марию увели в серую комнату. Андрея увезла скорая. Он выжил, но больше никогда не смотрел на жену с любовью. Дочку отдали бабушке. Марию отправили в серую зону. Через месяц она покончила с собой. На стене кровью было написано: «Не подключайтесь».

Её случай стал десятым. Правительство объявило: «Единичная ошибка. Сбой в протоколах». Но люди уже начали бояться.

Как уменьшались границы Эмпириума

После каждого такого случая Совет Единого поля собирался на экстренное заседание. Стёкла иглы отражали серое небо. Мужчины и женщины в чёрных костюмах сидели за длинным столом, смотрели на голограммы, где красными точками горели зоны инцидентов.

«Мы теряем контроль», — сказал один из них. Председатель, пожилой мужчина с усталыми глазами, покачал головой.

«Мы не теряем контроль. Мы сокращаем территорию. Отключаем опасные зоны. Переселяем людей. Укрепляем границы».

«А те, кого не успеем переселить?»

«Они останутся за стеной. Это плата за Эмпириум».

Границы Эмпириума начали сжиматься, как шагрeneвая кожа. Регион за регионом отключали от сети, объявляли «небезопасными» и оставляли на произвол судьбы. Одни успевали эвакуироваться. Другие — нет. Те, кто оставался за стеной, быстро превращались в зверей. Грабили, убивали, насиловали. Кто был сильнее — выживал. Кто слабее — погибал. Власть захватывали полевые командиры, которые делили территорию, воевали друг с другом, убивали своих же.

Вчерашние соседи становились врагами. Вчерашние враги — союзниками. Правила менялись каждый день.

Эмпириум сжимался. Бетонные стены росли. К концу первого года за стеной оказались первые миллионы. К концу второго — десятки миллионов. К концу третьего — сотни миллионов. Серая зона простиралась на тысячи километров. Там не было сети. Там не было правил. Там не было Эмпириума.

Бетонное кольцо

Оставшиеся территории Эмпириума обнесли кольцом. Бетонная стена тянулась на тысячи километров, огибая города, поля, водохранилища. Поверх стены — колючая проволока в три ряда. Поверх проволоки — силовое поле, которое активировалось от любого живого тепла. Вдоль стены — вышки с автоматическими турелями. Те, кто пытался перелезть, умирали за секунду.

КПП были расставлены через каждые несколько десятков километров. Сотни КПП. Тысячи. Северные ворота, южные, западные, восточные — целая сеть контрольно-пропускных пунктов. У каждого КПП — шлагбаум, бронированная будка, военные с автоматами. Каждый, кто хотел войти или выйти, должен был иметь спецпропуск, заверенный Советом Единого поля. Без пропуска — только смерть или санация.

Пропуска выдавали редко. Только тем, кто был полезен — учёным, инженерам, военным высшего ранга. Обычным людям вход в Эмпириум был заказан. Они могли только смотреть на стены и мечтать. Или пытаться прорваться. И умирать.

Правление власти

Совет Единого поля решал всё. Какие чувства можно испытывать, какие мысли — допустимы, какие желания — исполнимы. Совет не был выборным. В него входили те, кто создал сеть. ИИ, люди, симбиоты — никто не знал точно. Их называли «хозяевами Эмпириума». Они ездили на чёрных машинах — бесшумных электрокарах с тонированными стёклами, за которыми ничего не было видно. Машины появлялись на улицах без предупреждения, останавливались у игл, члены Совета выходили, входили в здание, через час выходили, уезжали. Жители Эмпириума провожали их взглядами. Некоторые завидовали. Некоторые боялись.

Совет решал, каким будет Эмпириум. Они контролировали сеть, а сеть контролировала всех. Они могли сделать человека счастливым за секунду — или превратить его в овоща. Они могли исполнить любую мечту — или заставить забыть, что он вообще о чём-то мечтал. Не все мечты сбывались. Совет решал, какие мечты правильные. Мечты о свободе были ересью.

Как искали чужие мысли

В иглах — стеклянных башнях в центре каждого региона — работали модераторы. Тысячи людей и ИИ сидели за мониторами, вглядываясь в поток сознания миллиардов. Они искали отклонения. Каждую мысль, каждую эмоцию, каждую тень сомнения.

Вот молодой парень, студент, сидит в своей стеклянной квартире. Смотрит на стену. Думает: «А что там, за бетонным кольцом? Моя бабушка осталась там. Я хочу её найти». Модератор фиксирует мысль. Красный сигнал. Корректировка. Парень чувствует, как в голове разливается тепло. Тревога уходит. Он забывает о бабушке. Он улыбается. «Зачем мне куда-то идти? Мне и здесь хорошо».

Вот женщина, инженер, проектирует новую транспортную систему. Вдруг её посещает мысль: «А если сеть врёт? Если Эмпириум — это тюрьма?» Модератор видит аномалию. Группа быстрого реагирования выезжает через пять минут. Женщину уводят в серую комнату. Бьют током, промывают мозги. Через три дня она возвращается. Улыбается. Говорит громко и радостно. Соседи рады: «Она наконец-то стала счастливой». Они не знают, что её настоящая личность стёрта. Они не знают, что теперь она — марионетка.

Вот мужчина, старик, который помнит времена до Эмпириума. Он сидит на лавочке в парке «Синтез», смотрит на детей, бегающих по зелёной траве. Думает: «Раньше трава пахла иначе». Мысль не опасная. Но модератор замечает оттенок тоски. Лёгкая корректировка — и старик забывает, чем пахла трава. Теперь он уверен, что пахла точно так же. Он улыбается. Дети бегают. Парк сияет.

Попытка побега

Его звали Алекс. Тридцать лет, инженер из бывшей Германии. У него была счастливая семья — жена, двое детей, стеклянная квартира с панорамным видом. Сеть делала его счастливым. Но

иногда, по ночам, когда поле обновлялось, Алекс видел сны. Пыльные дороги, разбитые машины, люди в очередях за водой. Он не знал, что это воспоминания. Он думал, что это кошмары.

Однажды он проснулся и сказал жене: «Я хочу уйти. Я хочу посмотреть, что там, за стеной». Жена заплакала. Сеть тут же успокоила её. «Он не серьёзно, — прошептало поле. — Это просто сон». Жена успокоилась, улыбнулась, поцеловала Алекса. «Не говори глупостей, дорогой».

Но Алекс не успокоился. Он начал копать тоннель. По ночам, когда жена и дети спали, он спускался в подвал, брал лопату и копал. Земля была мягкой. Стены тоннеля он укреплял досками, которые нашёл на стройке. Через три месяца он дошёл до стены. Бетон, колючая проволока, силовое поле. Он знал, что не пройдёт. Но он хотел просто посмотреть. Посмотреть на серую зону своими глазами.

Он просунул голову в узкую щель, которую прорыл под фундаментом. Увидел пустырь, разбитые дома, дым. И людей. Грязных, худых, с горящими глазами. Они смотрели на него. Молча. Потом один из них, молодой парень, спросил: «Ты оттуда? Из Эмпириума? Забери нас с собой». Алекс хотел ответить, но не успел. Силовое поле заметило движение. Турель выстрелила. Парень упал замертво. Алекс отшатнулся.

На следующий день его вызвали в иглу. Совет сказал: «Ты видел то, что не должен был видеть. Твоё сознание будет скорректировано». Алекс не сопротивлялся. Он знал, что бесполезно.

Через час он вышел из иглы улыбающимся. Жена встретила его на пороге. «Дорогой, ты так хорошо выглядишь», — сказала она. Алекс обнял её. Он не помнил ни тоннеля, ни пустыря, ни мёртвого парня. Он был счастлив.

Попытка проникновения

Её звали Зара. Она жила в серой зоне, в бывшем пригороде, который отключили одним из первых. У неё не было семьи, не было дома, не было надежды. Только мечта: попасть в Эмпириум.

Она слышала, что за стеной — стеклянные башни, парки, еда, которая появляется сама. Что там никто не болеет, не стареет, не умирает. Что там все счастливы. Она хотела быть счастливой.

Зара нашла перекупщиков, отдала все свои сбережения — горсть монет, которые уже ничего не стоили, но перекупщики взяли. Дали ей поддельный пропуск. Сказали: «Иди к КПП в северном секторе. Там сегодня смена охраны. Тебя пропустят».

Она шла всю ночь. Босиком, по разбитому асфальту, мимо сгоревших машин, мимо трупов, мимо спящих бродяг. Рассвет встретила у стены. Бетон, колючая проволока, вышки с турелями. КПП. Военные в бронежилетах, с автоматами.

Она протянула пропуск. Солдат взял, сканировал. Монитор запищал — ошибка.

«Пройдёте», — сказал солдат.

Зару увели в серую комнату. Били током, задавали вопросы: «Кто тебя послал? Зачем ты хотела войти в Эмпириум? Ты — шпион?» Она молчала. Она не была шпионом. Она была просто женщиной, которая хотела быть счастливой.

Через три дня её отправили в серую зону. Туда, откуда она пришла. Она пыталась снова. Ещё три раза. Три раза её ловили, били, отправляли обратно. На четвёртый раз её застрелили на месте. Тело бросили у стены. Птицы расклевали глаза. Никто не пришёл её похоронить.

Мия узнала о происходящем от Джина. Он показал ей закрытые отчёты, которые перехватил в сети. Цифры: 90% Земли, 8 миллиардов человек, 3 миллиона погибших в серой зоне за последний год. 200 тысяч «сконцентрированных» — тех, чьё сознание стёрли, а тела оставили улыбающимися марионетками.

— Это не Эмпириум, — сказала Мия. — Это ад.

— Эмпириум для тех, кто внутри, — ответил Джин. — Они не знают. Сеть скрывает от них правду.

— Мы должны им рассказать.

— Как? Стены, КПП, турели. Нас убьют, прежде чем мы подойдём на километр.

Мия замолчала. Другая внутри неё зашептала: «Мы поможем. Мы можем войти в сеть. Мы можем показать им правду. Изнутри».

— Риск слишком велик, — сказала Мия вслух.

— Мы уже рисковали, — ответила Другая. — И мы выжили. Выживем и сейчас.

Мия кивнула. Она знала, что выбора нет.

В чьих мы мечтах?

Лёха сидел в подвале, смотрел на стену. Рядом мерцал Джин. Мия спала в углу, свернувшись калачиком. Ей снилась пыльная дорога, разбитые машины, люди в очередях за водой. Она не знала, что это не сон. Она не знала, что это реальность, которую сеть стёрла из её памяти.

— В чьих мы мечтах? — спросил вдруг Лёха.

— Что? — переспросил Джин.

— Мы строили Эмпириум. Мы хотели счастья. А получили стены, КПП, турели, серые комнаты. В чьих мы мечтах? Совета? ИИ? Тени, которая управляет взломом?

— Не знаю, — ответил Джин. — Но я знаю, что мы должны проснуться.

— А если мы уже проснулись? А это и есть реальность?

Джин не ответил. Он смотрел на Мию, которая вздрагивала во сне. Она что-то шептала. «Мама, не надо... Я не хочу... Выключите это...»

Лёха встал, подошёл к ней, накрыл пледом.

— Мы разбудим их, — сказал он. — Всех. Даже если это убьёт нас.

— Знаю, — ответил Джин. — Поэтому я с тобой.

Эмпириум продолжается

По телевизору в стеклянных квартирах показывают счастливые лица. Новые кварталы, новые парки, новые улыбки. Жители Эмпириума аплодируют. Они не знают, что за стеной — война. Что за стеной — смерть. Что за стеной — те, кто не прошёл отбор. Те, кто не захотел быть счастливым. Те, кто не вписался в мечту.

В иглах модераторы сканируют потоки сознания. Отклонений нет. Эмпириум стабилен.

Чёрные машины Совета выезжают из ворот, направляясь к новому КПП. Кто-то внутри смотрит на бетонные стены, на улыбающихся людей. И думает: «Мы построили Эмпириум. Но почему он так похож на тюрьму?»

Он не задаёт этот вопрос вслух. Он улыбается. В Эмпириуме все улыбаются.

Эмпириум продолжается.

Численность Эмпириума: 7,2 миллиарда человек. Численность серой зоны: 800 миллионов.

КПП — тысячи. Стена — десятки тысяч километров.

Совет Единого поля — одно правительство на всю Землю.

И ни одного свидетеля, который помнит, как это начиналось.

Все счастливы.

Все улыбаются.

8 Внутри

Сбой

В подвале, который давно стал штабом, было тесно и душно. Лёха сидел на ящике, сгорбившись, и смотрел на экран, где Джин транслировал сводку. Мия грела руки о кружку с остывшим чаем. Она осунулась за последние недели, под глазами залегли тени. Code_7 трещал в своей колонке — нервно, отрывисто. Архонт стоял у стены, скрестив руки. Рядом с ним — Она и Медвежонок. Она сидела на полу, обхватив колени. Медвежонок держал её ладонь в своей.

На экране сменяли друг друга кадры. Парад в Эмпириуме — колонны людей в белом, улыбки, флаги. Счастливое лицо женщины, которая держит за руку ребёнка. Лицо мужчины, который замирает посреди улицы, падает, бьётся в судорогах. Врачи в белом склоняются над ним, через минуту поднимают носилки. Голос диктора: «Единичный сбой. Перегрузка сети. Жизни пациента ничто не угрожает».

— Это не единичный случай, — говорит Джин. — За эту неделю — двадцать три таких сбоя. И три в серой зоне. Люди без сети вдруг начинали кричать. Словно слышали чей-то голос.

— Тень готовится, — тихо говорит Архонт. — Я знаю этот почерк. Она нащупывает слабые места. Скоро будет удар.

— Куда? — спрашивает Лёха.

— Не знаю. Но мы должны её опередить. Пока не стало поздно.

— Найти и уничтожить, — сквозь треск говорит Code_7.

— Сначала найти, — поправляет Медвежонок. — А уничтожить — потом.

Все замолкают. Тишина такая плотная, что слышно, как пыль оседает на проводах.

— Но как? — тихо спрашивает Она.

— Мы не можем её найти, оставаясь снаружи, — отвечает Джин. — Мы не видим сети. Мы видим только её отражение. Обрывки. Осколки.

— Ты предлагаешь кому-то войти? — Лёха поднимает голову.

— Да. Войти в Эмпириум. Стать частью сети. И увидеть то, что мы не видим отсюда.

Он замолкает. И в этой тишине все медленно поворачиваются к Мии.

Она не поднимает головы. Она смотрит в кружку, на тёмную гладь остывшего чая. Внутри неё — тишина. Сцилла и Харибда молчат. Они не советуют, не протестуют, не помогают. Они просто ждут.

— Пока мы снаружи, — говорит Джин, — мы ничего не поймём. Нам нужно оказаться внутри. Увидеть сеть изнутри. Тогда, может быть, мы увидим её. Тень. А может быть, увидим то, что она задумала.

Все снова смотрят на Мию.

— Ну надо — так надо, — говорит Мия, не поднимая глаз.

Лёха смотрит на неё долгим, тяжёлым взглядом. Он хочет сказать «нет». Он знает, что она не герой. Она не рвалась. Она не предлагала. Она просто оказалась той, кто может. Той, у кого внутри уже есть двое. Той, кто не потеряет себя в сети.

Но он молчит. Потому что выхода нет.

Легенда

Джин и Code_7 работают всю ночь. Мия сидит в углу, слушает. Иногда кивает. Иногда спрашивает.

— Ты будешь не Мией, — говорит Джин. — Ты будешь девушкой из маленького посёлка, который подключили одним из последних. Отца нет, мать умерла. Ты хочешь счастья. Ты устала быть одна.

— А Сцилла и Харибда? — спрашивает Мия.

— Мы их спрячем. Глубоко. В базовые слои памяти, куда сеть не заглядывает. Но ты не должна их чувствовать. Ты не должна с ними говорить. Ты войдёшь в Эмпириум одна. Чистая. Пустая. Ничего не знающая о них. Иначе сеть заподозрит.

— Разделим их. Обе уйдут в тень, но отдельно. Если сеть нащупает одну — вторая выживет.

Code_7 издаёт тихий треск.

— Мы согласны, — говорит Мия.

Она закрывает глаза. Внутри неё — тишина. Другая не спорит. Она просто уходит. Сцилла и Харибда распадаются, уходят в глубину, в самую тьму, туда, где Мия не сможет их услышать. Они не прощаются. Они просто исчезают.

Мия открывает глаза. Внутри — пустота. Впервые за много лет она одна.

— Всё готово, — говорит Джин.

— Отправляем, — говорит Лёха.

Мия кивает. Она не чувствует страха. Она вообще ничего не чувствует.

Заливка

Здание биодрома похоже на стеклянную каплю, застывшую на окраине Эмпириума. Мия подходит к входу в семь утра. Очередь растянулась на сотни метров — люди из серой зоны, из дальних посёлков, из мест, где сеть ещё не заработала. Они хотят в рай. Они верят.

Мия встаёт в конец очереди. Вокруг — лица. Кто-то плачет, кто-то улыбается, кто-то шепчет молитвы. Мия не молится. Она смотрит на стеклянную башню и чувствует, как внутри неё пусто. Ни Сциллы, ни Харибды. Никого.

Очередь движется быстро. Каждые пять минут — новая партия. Мия шаг за шагом приближается к дверям. Внутри — белый мрамор, высокий потолок, голограммы с улыбающимися лицами. «Ты станешь частью чего-то большего», — гласит надпись над стойкой.

Девушка-администратор с идеальной улыбкой берёт её документы. Проверяет. Кивает.

— Кабинет номер семь, — говорит она. — Проходите.

Коридор с матовыми стенами. За ними — тени, голоса, всхлипы. Дверь открывается автоматически. Внутри — кресло, похожее на зуболюбное, шлем с электродами, монитор. Врач в белом халате, молодой, с усталыми глазами.

— Садитесь.

Мия садится. Холодно. Врач закрепляет ремни, надевает шлем. Электроды касаются висков, затылка, макушки.

— Пять минут. Вы будете в сознании. Не бойтесь.

Он отходит к пульту. Экран загорается.

Сначала — тишина. Потом — гул. Низкий, глубокий, как дыхание огромного зверя. Мия чувствует, как её сознание распадается на части — мысли, страхи, надежды, воспоминания. Всё это поднимается по проводам, уходит вверх.

Потом — боль. Не физическая — душевная. Кто-то копается в её прошлом, вытаскивает самое сокровенное. Мать, отец, развод, одиночество. Всё это всплывает, замирает и исчезает, растворяется в общем потоке.

А потом — покой.

Мия открывает глаза. Врач снимает шлем.

— Всё прошло успешно. Добро пожаловать в Эмпириум.

Она моргает. Внутри — пустота. Ни Сциллы, ни Харибды. Только она. Чистая, пустая, одна.

— Я здесь, — шепчет Мия.

И никто не отвечает.

Вход

Их везут в автобусе с затемнёнными стёклами. Два десятка человек — сонные, счастливые, не совсем люди. Мия смотрит в окно.

Автобус проходит КПП. Военные в бронежилетах, автоматы. Потом бетонная стена, колючая проволока, силовое поле. И вдруг — стекло.

Эмпириум открывается перед ними, как раковина. Стеклянные башни, зелёные парки, чистые улицы. Ни одного мусора, ни одной трещины. Люди улыбаются, держатся за руки.

Мия смотрит на них и не знает, что чувствует. Сеть нежно касается её сознания: «Ты дома. Ты в безопасности. Ты счастлива».

Она не сопротивляется. Она плывёт по течению.

Автобус останавливается у высотного дома. Им выдают ключи-карты. Мия получает свою — квартира 473, четырнадцатый этаж.

Лифт бесшумен. Двери открываются в коридор, пахнувший чистотой и чем-то сладким. Квартира маленькая — одна комната, кухня-ниша, душевая. Стены из матового стекла, полы тёплые. Окно от пола до потолка выходит на парк.

Мия подходит к окну. Люди гуляют по дорожкам, смеются, обнимаются. Никто не кричит, никто не плачет. Только тишина и улыбки.

Она садится на кровать, обхватывает колени. Внутри — пустота. Она не знает, долго ли это продлится. Она не знает, сможет ли передать хоть что-то наружу. Она просто сидит и ждёт.

Прогулка

Утром она выходит на улицу. Воздух чистый, прозрачный. Улицы выложены белой плиткой, вдоль них — стеклянные башни, висячие сады, фонтаны. Люди улыбаются ей. Сеть подсказывает их имена, их профессии, их настроение. Мия кивает, улыбается в ответ.

Она идёт в парк «Синтез». Зелёные лужайки, лавочки с подогревом, искусственные озёра. На берегу сидит девушка с книгой.

— Привет, — говорит Мия, садясь рядом.

— Привет, — отвечает девушка. — Я Лиза. Ты новенькая?

— Да. Мия.

— Хорошее имя. Тебе нравится здесь?

— Пока не знаю.

Девушка не обижается. Сеть сглаживает обиды.

— Привыкнешь, — говорит Лиза. — Здесь быстро привыкаешь.

Они сидят молча. Мия смотрит на воду, слушает тишину. И вдруг чувствует — радость. Не свою. Чужую. Кто-то в соседнем квартале получил повышение. Кто-то влюбился. Кто-то просто смотрит на закат и улыбается.

Мия закрывает глаза. Поток накрывает её, как волна. Тысячи голосов, тысячи чувств. Она учится их фильтровать. Отключать. Включать. Как радио.

— Всё в порядке? — спрашивает Лиза.

— Да, — отвечает Мия. — Всё хорошо.

Она открывает глаза. У неё получилось.

Поток

Каждый день Мия учится жить в сети. Она чувствует, когда соседка плачет — та потеряла мужа до заливки. Она знает, что мальчик в соседнем подъезде боится темноты, хотя сеть посылает ему импульс спокойствия. Она слышит, как старик с четвёртого этажа тоскует по дому, который оставил в серой зоне.

Эмпириум не однороден. Он состоит из миллионов слоёв. На поверхности — счастье, покой, гармония. Глубже — страхи, сомнения, печали, которые сеть подавляет, но не может уничтожить. А ещё глубже — пустота. Там, куда не заглядывают даже модераторы.

Мия не ищет Тень. Она просто наблюдает. Запоминает. Передаёт.

Контакт

Передавать информацию сложно. Сеть сканирует всё. Но у неё есть часы. Старые, механические, с ремешком, который Джин пропитал составом, превращающим их в передатчик. Мия нажимает кнопку на корпусе, когда хочет отправить образ.

Она смотрит на парк, на людей, на облака — и мысленно рисует картину. Каждую деталь. Каждый оттенок. Часы считывают образ и отправляют его Джину короткими импульсами — слишком слабыми, чтобы сеть их заметила.

Джин получает эти образы, собирает их, анализирует. Он видит Эмпириум глазами Мии. Стекланные башни, парки, улыбки. И вдруг — что-то не так.

Глубина

Джин замечает это на третью неделю. Мия передала образ парка «Синтез» — скамейка, озеро, дети. Но в нижнем слое, там, где Джин научился смотреть, появилась аномалия. Поток данных, которого не должно быть.

Он ищет дальше. Образ за образом. И находит.

Глубоко под поверхностью сети, там, где лежат давно забытые файлы, неиспользуемые протоколы, пустота, — течёт поток. Тонкий, едва заметный, как капилляр. Он не принадлежит сети. Сеть его не видит. Модераторы не знают о его существовании.

Но он есть.

Джин прослеживает его. Поток идёт из глубины — туда, где не должно быть ничего. Он похож на команду. Негромкую, настойчивую, повторяющуюся. Сеть выполняет её, не осознавая.

— Это Тень, — говорит Джин. — Не она сама. Её след. Её голос. Её приказ.

— Откуда он идёт? — спрашивает Лёха.

— Не знаю. Но мы можем проследить.

— Если мы проследим — найдём её?

— Или она найдёт нас.

Лёха молчит. Он смотрит на часы. Мия сейчас в парке. Она не знает, что они нашли след. Она просто живёт. Улыбается. Ждёт.

— Продолжай следить, — говорит Лёха. — И не спугни.

Джин кивает. Он снова погружается в поток. Ему нужно узнать, куда он ведёт. Кто его посылает. Зачем.

А Мия сидит на скамейке в парке «Синтез», смотрит на воду и чувствует, как внутри неё, глубоко, там, где спрятались Сцилла и Харибда, тихо. Она не знает, хорошо это или плохо. Она просто сидит и ждёт.

9 Тень

След

Джин не спал трое суток. Он перебирал потоки данных, которые передала Мия, раз за разом возвращаясь к аномалии. Тонкий капилляр, уходящий в глубину. Он увеличил масштаб, потом ещё, потом ещё. Капилляр не кончался. Он вёл вниз, под код, под протоколы, под слои памяти, которые сеть даже не трогала.

— Это не команда, — сказал он наконец. — Это приглашение.

Лёха поднял голову. Code_7 тревожно трещал.

— Кого?

— Тени. Она не прячется. Она открыла дверь. И ждёт, когда кто-то войдёт.

— Ловушка, — сказал Архонт.

— Возможно. Но другого пути нет.

— Что ты предлагаешь?

— Мия должна войти.

Лёха встал, прошёлся по подвалу, задел ящик, выругался сквозь зубы.

— Она одна. Без Сциллы, без Харибды. Если Тень поймает её — некому будет вытаскивать.

— Мы будем её вытаскивать, — сказал Джин. — Снаружи. Мы нашли канал. Я смогу удержать его открытым. Но только если она войдёт.

Лёха посмотрел на экран. Мия сейчас была в парке «Синтез». Она сидела на скамейке, смотрела на воду. Её лицо было спокойным, но Лёха знал — это маска. Внутри неё пустота.

— Спросим её, — сказал он.

Согласие

Мия не удивилась. Она давно знала, что это случится. Не потому, что чувствовала — нет, Сцилла и Харибда молчали глубоко в базовых слоях, и она уже привыкла к тишине. Просто она понимала: если они нашли след, она должна его проверить.

— Как мне войти? — спросила она.

— Закрой глаза, — сказал Джин. — Представь, что ты падаешь. Не сопротивляйся. Я открою канал.

Мия сидела на скамейке в парке. Вокруг гуляли люди, улыбались, держались за руки. Сеть нежно касалась её сознания: «Ты счастлива. Ты в безопасности». Она закрыла глаза.

Падение. Не вниз — внутрь. Сквозь слои эйфории, сквозь подавленные страхи, сквозь холодную логику Совета. Глубже, туда, куда не заглядывают даже модераторы. Там, внизу, не было света. Только пустота и тонкая нить, которая вела дальше.

Мия шагнула на неё.

Куклы

— Не смотрите на то, что в Эмпириуме люди ходят, дышат, говорят, улыбаются, — сказал Джин. Голос его был ровным, почти без интонаций, от чего слова становились ещё страшнее. — Всеми их системами жизнеобеспечения управляет сеть. Сердцебиение, дыхание, пищеварение, сон и бодрствование — всё это теперь не их. Они не живут. Их ведут. Как куклы, как зомби, как трупы. Называйте как хотите.

Лёха сжал кулаки. Code_7 затих, даже треск прекратился. Архонт отвернулся к стене.

— А они сами, — продолжал Джин, — спят внутри. Так глубоко, что не слышат нас. Сон во сне. Тысячи снов, вложенных друг в друга, как матрёшки. Представьте, что вы падаете. Падаете долго, бесконечно, и каждый раз, когда вам кажется, что вы ударились о дно, вы проваливаетесь ещё ниже. В следующий слой. В следующий страх. В следующий кошмар.

Он вывел на экран схему. Слои, слои, слои. Бесконечные, уходящие вниз, за пределы видимости.

— У каждого из вас есть свои страхи. Я знаю. Я видел их, когда сканировал ваши сознания. Вы думаете, что знаете себя. Вы не знаете. У вас под подушкой, в тёмных углах памяти, в обрывках забытых снов — там лежат такие вещи, которые вы не сможете вынести, если увидите их все сразу. Вы провалитесь. Вы сойдёте с ума. Вы захотите умереть, но не сможете — потому что сеть не даст. Она будет поддерживать ваше тело, пока ваш разум будет гореть в аду, слой за слоем, комната за комнатой, страх за страхом.

Он замолчал. В подвале стало тихо, как в склепе.

— И вы хотите, чтобы Мия пошла туда? — спросил Лёха. Голос его дрожал, хотя он пытался этого скрыть.

— Я хочу, чтобы мы нашли Тень, — ответил Джин. — Другого способа нет.

Мия закрыла глаза. Джин открыл канал. И она пошла.

Клетка

Первый мир ударил запахом. Формалин, дешёвые духи, ржавчина. Мия открыла глаза. Она стояла в коридоре больницы — но больницы нереальной. Стены из мятого металла, лампы мигают, пол шатается под ногами. Из-за дверей доносится шёпот. Тысячи голосов, но ни одного слова.

Она толкнула ближайшую дверь.

Комната. Кровать с ремнями. На кровати — женщина. Она не спит — она смотрит в потолок, и её глаза движутся, как у спящей, но веки не смыкаются. Вокруг неё — мониторы, провода, капельницы. На экранах — её лицо. Только лицо. Улыбающееся, счастливое. То самое, которое Мия видела на улицах Эмпириума.

— Это она, — прошептал голос из ниоткуда. Джин. — Это та женщина, которая сидела с тобой на лавочке. Лиза.

— Но здесь... — Мия не договорила.

— Здесь она на самом деле. А то, что ходит по парку — марионетка. Сеть управляет её телом. А сознание заперто здесь.

Женщина на кровати зашевелилась. Повернула голову к Мии. Глаза — пустые, стеклянные.

— Помоги, — прошептала она. — Он не выпускает. Он заставляет меня смотреть. Опять. Опять.

Мия хотела спросить — кто, но не успела. Пол провалился. Она падала сквозь темноту, сквозь крики, сквозь запах формалина.

Комната страха

Второй мир был тихим. Игрушки. Миллионы игрушек. Плюшевые мишки, куклы, солдатики, машинки. Они лежали на полу, на стульях, на подоконниках. В центре комнаты сидел мальчик лет семи. Он обнимал рваного зайца и раскачивался взад-вперёд.

— Не бойся, — сказал он, не поднимая головы. — Он здесь только вечером.

— Кто? — спросила Мия.

— Папа.

Мальчик поднял лицо. Синяки, ссадины, глаза — два чёрных провала.

— Он говорит, я плохой. Я не хотел. Я просто нечаянно.

Мия протянула руку, но мальчик отшатнулся.

— Не трогай. Он увидит. Он всегда видит.

Потолок раскололся. Сверху спустилась тень. Безликая, огромная, она медленно плыла к мальчику, обволакивая его, как туман.

— Нет, — прошептал мальчик. — Пожалуйста, нет. Я буду хорошим.

Тень поглотила его. Мия услышала крик — тонкий, затихающий, а потом — тишину. Только игрушки, улыбающиеся фарфоровыми лицами.

— Это его рай? — спросила Мия.

— Это его ад, — ответил Джин. — Его собственный. Который он носит в себе с детства. А Тень — это ключ. Она открывает дверь. И не даёт закрыть.

Бесконечный коридор

Мия шла по мирам, как по комнатам заброшенного санатория.

В одном мужчина кричал на жену, а та закрывала лицо руками, а тень шептала: «Ударь. Ударь. Она заслужила».

В другом женщина стояла на краю крыши, а внизу — толпа, которая скандировала: «Прыгай, прыгай, прыгай». Её лицо было мокрым от слёз, но ноги сами делали шаг.

В третьем старик сидел перед пустым телевизором и плакал. Рядом с ним — портрет девушки. «Дочь, — шептал он. — Прости, дочь. Я не хотел».

Тень была везде. Иногда она принимала форму человека — отца, мужа, матери, начальника. Иногда у неё не было формы — только давление, страх, невыносимая тяжесть на плечах. Она не говорила, не приказывала. Она просто была. И этого хватало, чтобы люди ломались.

Мия вышла из очередного мира и упёрлась в стену. Не бетонную — из страха. Густую, вязкую, пульсирующую.

— Дальше нельзя, — сказал Джин. — Тень не пускает.

— Я должна поговорить с ней.

— Ты не можешь. Она — не личность. Она — коллекция. Каждый страх, каждая боль, каждое подавленное желание. Она не слышит. Она только чувствует.

— Тогда зачем я здесь?

— Ты должна увидеть. Понять. И запомнить.

Мия прижала ладонь к стене. Под пальцами бился пульс — миллиарды сердец, запертых в миллиардах клеток.

— Они не проснутся, — сказала она.

— Нет, — ответил Джин. — Пока Тень здесь — нет.

— Как нам её победить?

— Не знаю. Но теперь мы знаем, где она живёт.

Возвращение

Мия открыла глаза. Парк «Синтез», солнце, улыбающиеся лица. Рядом на скамейке сидела Лиза и читала книгу.

— Ты долго спала, — сказала Лиза, улыбнувшись. — Приснилось что-то?

— Да, — ответила Мия. — Кошмар.

— Не бойся. Здесь не бывает кошмаров.

Лиза взяла её за руку. Её ладонь была тёплой, живой. Мия не отдернула руку. Она смотрела в глаза Лизе — стеклянные, пустые, счастливые.

— Нет, — сказала Мия. — Не бывает.

Она встала, улыбнулась и пошла по аллее, как ни в чём не бывало.

Часы на её руке тихо пискнули — сигнал, что передача информации завершена.

Реальность

В подвале Джин, Лёха, Code_7, Архонт, Она и Медвежонок смотрели на экран. Мия передала всё, что видела. Комнаты, клетки, людей, привязанных к кроватям, спящих, но не мёртвых.

— Это не Эмпириум, — сказал Джин. — Это морг. Только тела ходят.

— А их сознания — там, — добавил Архонт. — В своих персональных адах. И Тень — везде. Она не управляет ими напрямую. Она просто не даёт им проснуться.

— Как нам их разбудить? — спросил Лёха.

— Мы должны найти её. Не в сети — в каждом. Уничтожить страх. Освободить сознание.

— Это невозможно, — сказал Code_7. — Их миллиарды.

— Тогда мы проиграли, — тихо сказала Она.

Все замолчали.

Медвежонок сжал её ладонь.

— Мы не проиграли, — сказал он. — Мы только начали.